

ГЮСТАВ ГИЛЬБЕРТ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ГЛАЗАМИ ПСИХОЛОГА

Документальный триллер

Гюстав Гильберт

**Нюрнбергский процесс
глазами психолога**

«Алисторус»

1947

УДК 82-94
ББК 84(4)-44

Гильберт Г.

Нюрнбергский процесс глазами психолога / Г. Гильберт —
«Алисторус», 1947 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00180-049-1

«Мы ведь просто выполняли приказы, за что нас судят?» – вопрошали если не все, но многие участники самого громкого судебного процесса в истории. Что творилось в душах тех, кто уничтожил миллионы человеческих жизней, организовал «лагеря смерти» и устроил холокост? Были ли эти люди чудовищами? Ответ на этот вопрос читатель найдет в книге. Автор этой широкоизвестной на Западе книги, доктор психологии Г. Гильберт, принимал участие Международного военного трибунала в Нюрнберге. Являясь психологом, он неоднократно беседовал с главными нацистскими преступниками и подробно изложил содержание своих разговоров с ними на страницах книги. На основании личных впечатлений и материалов психологических тестов американский ученый дает безжалостную характеристику моральному облику фашистских лидеров и всему нацистскому режиму. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(4)-44

ISBN 978-5-00180-049-1

© Гильберт Г., 1947
© Алисторус, 1947

Содержание

Введение	6
Обвиняемые	6
Реакция на предъявленное обвинение	8
Самоубийство Роберта Лея	10
Юлиус Штрейхер[3]	11
Рудольф Гесс	13
Герман Геринг	14
Йоахим фон Риббентроп	17
Яльмар Шахт	18
Ганс Франк	20
Бальдур фон Ширах	22
Альберт Шпеер	24
Вильгельм Кейтель	25
Альфред Йодль	27
Франц фон Папен	28
Психологические тесты	29
Дневник процесса 1945–1946 гг.	31
Открытие процесса. Англо-американское обвинение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Гюстав Гильберт

Нюрнбергский процесс глазами психолога

© Г. Гильберт, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Введение

Обвиняемые

20 октября 1945 года, то есть в тот день, когда Международный военный трибунал предъявил обвинение 23 главным военным преступникам, я прибыл в Нюрнберг с первой партией военнопленных. Являясь офицером военной разведки, владевшим немецким языком, я своими глазами видел доказательства варварских преступлений нацистов на примере концентрационных лагерей, таких, как Дахау, еще задолго до дня капитуляции. Как психолога меня в первую очередь интересовало выяснить, что же побуждало людей к вступлению в ряды нацистов и на их деяния.

Через допросы военнопленных и беседы с представителями гражданского населения Германии мне это выяснить так и не удалось. Объяснение почти всегда было одним и тем же – мы, дескать, люди маленькие, слепо выполнявшие приказ своего фюрера и тех, кто ниже, которые их впоследствии предали. И вот теперь мне предстояло увидеть некоторых из пресловутых фюреров в следственной тюрьме Нюрнберга, города, куда я мечтал попасть. Мне повезло – я получил возможность заменить переводчика коменданта тюрьмы, после чего был назначен психологом-экспертом на весь период ведения судебного процесса.

Моя основная задача состояла в ежедневных контактах с заключенными и информировании об их душевном состоянии и настроениях коменданта тюрьмы полковника Андруса, а также в участии в подготовке предстоявшего судебного процесса. Моя работа осуществлялась совместно с тюремным психологом, равно как и различными комиссиями психиатров-экспертов¹. С момента предъявления обвинения и вплоть до приведения приговора в исполнение мне был обеспечен свободный доступ к обвиняемым. Это позволило мне в течение годичного периода изучить их поведенческую реакцию в контролируемых условиях. Вся методика заключалась в непринужденных беседах с глазу на глаз. В присутствии заключенных я никогда не позволял себе делать какие-либо записи, однако содержание этих бесед и наблюдений тщательно фиксировалось мною позже: покинув камеру или столовую, я тотчас же садился за свои записи, впоследствии превратившиеся в дневник, который послужил первоосновой предлагаемого вниманию читателя исследования.

Как нетрудно догадаться, чаще всего в беседах с бывшими нацистами звучали всякого рода отговорки, общие фразы, целью которых было самооправдание и взаимные обвинения. Именно их яростные протесты, именно их куда более критичный настрой по отношению к другим своим подельникам, нежели к себе самому, как нельзя лучше раскрывают их характеры и мотивации. Обвиняемые действительно проявили себя весьма словоохотливыми собеседниками, оказавшись в обществе психолога, единственного (за исключением лиц духовного сана) из офицеров американской армии, свободно владевшего немецким. В своих записях я намеренно избегал добавлять к приводимым ими фактам всякого рода психологические умозаключения, оставив эту часть для будущего исследования, куда более объемного и объективного.

В течение месячного срока между предъявлением обвинения и началом процесса нацистские вожди располагались в одиночных камерах. Я использовал это время для установления более близких контактов с ними, описания их реакции на предъявленное обвинение и проведения психологического тестирования, что вносило некоторое разнообразие в их унылый

¹ Вначале функции эксперта-психолога были возложены на майора Дугласа М. Келли, которого месяц спустя после начала процесса и практически до его завершения заменил майор Леон М. Гольдензон. Капитан Ричард Уоррингтон и подполковник У. Данн также в течение короткого периода исполняли вышеупомянутые функции.

быт, основанный на полной изолированности, а для меня обеспечивало возможность познакомиться с каждым в отдельности обвиняемым. Материал, повествующий о событиях этого месяца, подан в данной вводной главе свободно и вне каких-либо хронологических рамок.

Реакция на предъявленное обвинение

Их реакции выкристаллизовались довольно скоро. Каждый из обвиняемых по моей просьбе должен был снабдить текст предъявленного ему обвинения собственными комментариями на полях. Их спонтанные высказывания, приведенные ниже:

Герман Геринг, рейхсмаршал и имперский министр авиации, имперский президент, ответственный за осуществление четырехлетнего плана и пр., поместил свой излюбленный циничный тезис: «Победитель – всегда судья, а побежденный – обвиняемый!»

Йоахим фон Риббентроп, имперский министр иностранных дел, ограничился уклончивым заявлением: «Обвинение предъявлено не тем людям». И устно добавил: «Мы все были тенью Гитлера», однако в письменном виде эту мысль отразить воздержался.

Рудольф Гесс, пребывавший с момента своего шумевшего прибытия в Англию в состоянии полного беспамятства, написал лишь следующее: «I can't remember» («Не помню» (*англ.*) – *Прим. перев.*).

Эрнст Кальтербруннер, начальник гиммлеровского РСХА (Главного управления имперской безопасности), заявил о своей формальной невиновности: «Я не несу никакой ответственности за военные преступления, я лишь выполнял свой долг, как руководитель разведывательных органов, и отказываюсь служить здесь неким эрзацем Гиммлера».

Альфред Розенберг, ведущий нацистский философ и имперский министр по делам оккупированных восточных территорий, также заявил о своей невиновности: «Я отвергаю обвинение в «заговоре». Антисемитизм являлся лишь необходимой оборонительной мерой».

Ганс Франк, гитлеровский прокурор, а впоследствии генерал-губернатор оккупировать польских территорий, изложил в письменном виде свою точку зрения религиозного неопита: «Я рассматриваю данный процесс, как угодный Богу высший суд, призванный разобраться в ужасном периоде правления Адольфа Гитлера и завершить его».

Вильгельм Фрик, имперский министр внутренних дел, дал извортливый и юридически грамотный комментарий: «Все обвинение основано на предположении об участии в заговоре».

Фриц Заухель, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы на период осуществления четырехлетнего плана, столкнулся с известными трудностями, пытаясь увязать свою любовь к рабочему люду с предъявленным ему обвинением: «Пропась между идеалом социалистического общества, вынашиваемым и защищаемым мною, в прошлом моряком и рабочим, и этими ужасными событиями – концентрационными лагерями – глубоко потрясла меня».

Альберт Шнеер, имперский министр вооружения и боеприпасов, без обиняков переложил вину на нацистский режим: «Процесс необходим. Даже авторитарное государство не снимает ответственности с каждого в отдельности за содеянные ужасные преступления».

Яльмар Шахт, президент Имперского Немецкого банка и в довоенный период имперский министр экономики, заявил следующее: «Я вообще не понимаю, почему мне предъявлено обвинение».

Вальтер Функ, имперский министр экономики после Шахта, был более словоохотлив и эмоционален, обосновывая свою невиновность: «Никогда в жизни я ни сознательно, ни по неведению не предпринимал ничего, что давало бы основания для подобных обвинений. Если я по неведению или вследствие заблуждений и совершил деяния, перечисленные в обвинительном заключении, то следует рассматривать мою вину в ракурсе моей личной трагедии, но не как преступление».

Франц фон Папен, рейхсканцлер Германии до Гитлера и посланник в Австрии и Турции в период гитлеровского правления, не скупился на фразы в попытке отгородиться от причастности к нацизму: «Обвинение ужаснуло меня, первое, осознанием безответственности, в резуль-

тате которой Германия оказалась ввергнута в эту войну, обернувшуюся мировой катастрофой, и, второе, теми преступлениями, которые были совершены некоторыми из моих соотечественников. Последние необъяснимы с психологической точки зрения. Мне кажется, во всем виноваты годы безбожия и тоталитаризма. Именно они и превратили Гитлера в патологического лжеца».

Барон фон Нейрат, в первые годы нацистского режима имперский министр иностранных дел, а впоследствии имперский наместник в протекторате Богемии и Моравии, выхватил один из пунктов нацистского беззакония: «Я всегда был против обвинений без возможности защиты».

Бальдур фон Ширах, имперский вождь молодежи и гауляйтер Вены, хоть и с запозданием, но все же пришел к искреннему прозрению: «Все беды – от расовой политики».

Артур Зейсс-Инкварт, федеральный канцлер Австрии, впоследствии имперский комиссар оккупированной Голландии, не удосужился опровергать свою вину, а с холодным фатализмом написал следующее: «Хочется надеяться, что это – последний акт трагедии Второй мировой войны!»

Юлиус Штрейхер, нацистский обер-убийца евреев, главный редактор журнала «Дер штюрмер» и гауляйтер Франконии, не скрывал своей одержимости даже в преддверии процесса: «Этот процесс – триумф мирового еврейства».

Фельдмаршал Кейтель, стоявший во главе вермахта, дал типичный для офицера-пруссака ответ: «Приказ для солдата – есть всегда приказ!»

Генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства ОКВ² (верховного командования вооруженных сил), воспринимал предъявленное ему обвинение со смешанными чувствами: «Вызывает сожаление смесь справедливых обвинений и политической пропаганды».

Гросс-адмирал Дёниц, командующий военно-морскими силами Германии и преемник Гитлера после самоубийства последнего, предпринял попытку отместить предъявленное ему обвинение, как изначально не имеющее к нему отношения: «Ни один из пунктов данного обвинения ни в малейшей степени не имеет ко мне отношения. – Выдумки американцев!»

Ганс Фриче, руководитель радиовещания и отдела печати в геббельсовском имперском министерстве пропаганды, счел своим долгом говорить от имени немецкого народа: «Это ужасное обвинение всех времен. Ужаснее может быть лишь одно: грядущее обвинение, которое предъявит нам немецкий народ за злоупотребление его идеализмом».

Записанные от руки ответы адмирала Редера и Роберта Лея здесь отсутствуют. Адмирал Редер, доставленный в нюрнбергскую камеру прямо из советского плена, отказался как от устных, так и от письменных высказываний. Эксцентричный и неуравновешенный вождь Германского трудового фронта Роберт Лей дал внятный и решительный ответ на предъявленное ему, как военному преступнику, обвинение сведением счетов с жизнью.

² ОКВ – верховное командование гитлеровских вооруженных сил.

Самоубийство Роберта Лея

Вместе с судебным психиатром мы посетили Роберта Лея в его камере за день до его самоубийства. Он был в крайне возбужденном состоянии, беспрестанно ходил взад и вперед по камере. Он, как и некоторые другие заключенные, был одет в американскую форменную блузу, на ногах – войлочные шлепанцы. На вопрос, как он думает организовать свою защиту в ответ на выдвинутое против него обвинение, он разразился целой тирадой:

23 октября. Камера Лея

– Как я могу подготовить какую-то защиту? Защищать себя от обвинений в преступлениях, о которых я не имел ни малейшего понятия? Если после всего ужасного кровопролития, которое повлекла эта война, требуется еще парочка ж-жертв для удовлетворения чувства мести победителя – тогда все понятно! Они нашлись, – заикаясь, произнес Лей. И тут же, расставив руки в стороны и привалившись к стене камеры в позе распятого Христа, он ударился в театральную декламацию: – Поставьте нас к стенке и расстреляйте – вы ведь победители! Но к чему тащить меня на этот суд, как п..., как п... – Лей так и не смог договорить слово «преступника», мне пришлось сделать это за него, после чего он добавил: – Видите, у меня даже язык не поворачивается выговорить это.

Эту мысль он повторил еще несколько раз, в возбуждении продолжая мерить шагами камеру, сопровождая брошенные фразы темпераментной жестикуляцией и постоянно заикаясь.

Следующей ночью его обнаружили повешенным в своей камере. Разорвав на узкие полосы солдатский носовой платок и связав из них веревку, он изготовил из нес петлю, прикрепил ее к водосливной трубе и на ней удавился.

Из оставленной им записки явствовало, что он не в состоянии вынести позора.

Самоубийство Лея вызвало переполох в администрации тюрьмы. Число охранников было решено увеличить в четыре раза – теперь у двери каждой камеры круглые сутки дежурил охранник. Из опасений, что примеру Лея последуют и другие заключенные, комендант тюрьмы полковник Андрас не сразу сообщил о данном инциденте, а лишь несколько дней спустя, распространив среди заключенных скупое письменное извещение о смерти Лея.

Я как раз находился в камере Геринга, когда доставили это извещение. Это было 29 октября. Геринг с безучастным видом пробежал глазами бумагу, ни один мускул не дрогнул на его лице. После того как служащий покинул камеру, он обратился ко мне:

29 октября. Камера Геринга

– Что он мертв, так это к лучшему, поскольку у меня были сомнения на счет его поведения на процессе. Он всегда был какой-то рассеянный, эти его вечные необъяснимые, выспренние монологи. Не сомневаюсь, что и на допросах он не раз выставлял себя на посмешище. Могу сказать, что для меня его самоубийство – не сюрприз, потому как он рано или поздно допился бы до смерти...

Сходные мнения высказывались и остальными обвиняемыми. Единственный, кто скорбел по поводу смерти Роберта Лея, так это ограниченный фанатик Юлиус Штрейхер. Этот эксцентричный предводитель Трудового фронта, обязывавший каждого немецкого рабочего выписывать свой пакостный листок под названием «Дер штюрмер», был единственным, кто во время их совместного содержания под стражей в лагере военнопленных в Мондорфе мог общаться со Штрейхером. И все же даже Штрейхер счел самоубийство Лея и его «политическое завещание», в котором Лей осудил нацистскую политику антисемитизма как «тяжелейшую ошибку», проявлением малодушия.

Юлиус Штрейхер³

Авторитет Штрейхера был в среде других военных преступников угрожающе близок к нулю. Его нечистоплотная, извращенная натура отразилась и на результатах психологического тестирования – коэффициент интеллекта IQ был один из самых низких. Даже его адвокат высказывал мысль в том, что одержимость антисемита, скорее всего, продукт больной психики. В результате было решено подвергнуть Штрейхера психиатрической экспертизе в составе комиссии врачей – доктора Делэ из Парижа, доктора Краснушкина из Москвы и полковника Шредера из Чикаго. Штрейхер воспользовался этим обследованием, чтобы в очередной раз развернуть перед свежей аудиторией свои бредовые антисемитские идеи – он даже пытался доказать обследовавшим его специалистам, что, дескать, он, который посвятил изучению этой «проблемы» четверть века, самый что ни на есть компетентный специалист в этой области, равного которому в мире нет и быть не может. Когда врачи предложили ему раздеться перед медицинским осмотром, русская переводчица, отойдя к дверям, отвернулась, на что Штрейхер с глумливой ухмылкой дал следующий комментарий: «Отчего же так? Боитесь увидеть что-нибудь любопытное?» Стоявшую к нему спиной девушку даже передернуло от этой фразы.

В результате проведенного обследования было установлено, что Штрейхер, хоть и одержим навязчивой идеей, однако психически невменяемым быть признан не может.

Вышеупомянутая навязчивая идея давала знать о себе почти в каждой из бесед с ним в камере еще до начала процесса. Штрейхер считал своим долгом убеждать на предмет его компетентности в области антисемитизма каждого посетителя своей камеры, причем помимо своей воли скатываясь при этом на похабно-эротическую или богохульную тематику, по-видимому, более всего вдохновлявшую его. Его дневниковые записи пестрят высказываниями в подобном духе.

14 ноября. Камера Штрейхера

– Я единственный в мире, кто рассматривает еврейскую угрозу в качестве исторической проблемы. Я антисемит не по субъективным причинам – с евреями у меня нет каких-либо негативных ассоциаций – отнюдь! Я призван к этому свыше! Осознание опасности еврейства имело своим источником Талмуд – так называемое Святое писание, которым евреи опорочили христианство, почему и называли его Священной книгой. Знаете, все эти разговоры о том, что, мол, и у христиан, и у иудеев один и тот же бог – ерундистика. Сам Талмуд доказывает, что евреи правили, опираясь на расовые законы. И вот что главное – только будьте внимательны. Разве не дьявольщину предлагает тот самый Талмуд: «Вы должны быть обрезанными и иметь детей только с иудейками»? О чем это говорит? О том, что именно так они добивались расовой чистоты, поэтому и сумели пережить столетия. Следовательно, нужна вам расовая чистота, так добивайтесь ее. Я не против. Но от немецкой, нордической расы, держитесь подальше – нам ведь тоже нужно думать и о собственной расовой чистоте. Да, да, – добавил он, с видом всезнайки прикрыв глаза и в назидательном жесте гимназического учителя подняв палец вверх, – в Талмуде мною чего можно вычитать. Евреи знали толк в подобных вещах. Но не им, а нам предназначено быть повелителями.

– Но ведь Геринг, да и другие тоже, готовы признать все это ужасной ошибкой, не говоря уж об остальном.

– Ах этот Геринг! Он и в брак-то вступить, как подобает, не смог. Да, мне известно, что именно по милости Геринга и никого другого я в 1940 году вылетел из гауляйтеров только из-

³ Автор излагает свои первые впечатления о самых заметных из обвиняемых. (Прим. ред.)

за того, что во всеуслышание заявил, что его ребенок зачат в реторте. А в чем моя вина – я только высказал то, что считаю правдой.

– Мне приходилось слышать, что многие пытались помешать вам издавать ваш «Штюрмер», но Гитлер неизменно поддерживал вас. В чем причина такого отношения к вам фюрера?

– Ну, понимаете, я ведь во время мюнхенского путча шел плечом к плечу с ним в первых рядах, и он всегда помнил об этом. Он тогда в тюрьме сказал мне, что никогда мне этого не забудет. И не забыл. И я оставался верен ему. Даже когда меня несколько лет назад сместили с моего поста, он присылал ко мне от себя Лея и Геббельса, чтобы те выслушали меня на предмет того, нет ли у меня каких-либо пожеланий. Я им сказал (театральный жест): «Доложите моему фюреру, что у меня нет других пожеланий, кроме одного – умереть рядом с ним, постигни нашу отчизну катастрофа!» – Выдержав соответствующую паузу, Штрейхер добавил: – Не могу описать, как это его впечатлило.

Рудольф Гесс

Главным кандидатом для психиатрической экспертизы был Рудольф Гесс, заместитель фюрера в НСДАП, чей полет в Англию в 1941 году стал настоящей сенсацией. Незадолго до начала процесса он был доставлен из Англии в нюрнбергскую тюрьму в состоянии полнейшей амнезии. Среди его личных вещей были обнаружены маленькие заклеенные пакетики с пробами пищи, собранные им в Англии в пору обуявшей его параноидальной идеи о пищевых отравлениях. Гесс целыми днями в состоянии апатии сидел в своей камере, уставясь в одну точку, не в состоянии вспомнить ровным счетом ничего из прошедших событий, в том числе и о причинах, побудивших его совершить этот прыжок в Англию. Временами казалось, что он сознательно пытается вытеснить из своей затуманенной памяти то или иное событие прошлого, однако в целом не было сомнений в том, что его амнезия носила характер абсолютной.

Во время очной ставки с Герингом и Папеном он не узнал никого из них. Никак не реагировал Гесс и на фильм из нацистской хроники, где были кадры, участником которых был и он сам.

Со времени его неудавшейся попытки самоубийства в Англии прогулки по тюремному двору ему приходилось совершать в наручниках.

Психологическое тестирование, которому Гесс был подвергнут в своей камере, показало заметную ограниченность, хотя его IQ был чуть выше среднего. Реакции – типично истероидного типа.

За несколько дней до начала процесса Гесса обследовала комиссия американских психиатров в составе доктора Нолана Д.С. Льюиса из Колумбийского университета, доктора Дональда Э. Камерона из Макгильского университета и полковника Пола Шредера из Чикаго. Я исполнял роль переводчика в этой комиссии. Большое количество заданных Гессу вопросов свидетельствовало о том, что о симуляции амнезии не может быть речи, хотя психиатры пришли к заключению, что в юридическом смысле Гесс вменяем.

Герман Геринг

За исключением покончившего жизнь самоубийством Роберта Лея, а также Юлиуса Штрейхера и Рудольфа Гесса, которым потребовалась психиатрическая экспертиза, психическая вменяемость остальных заключенных нюрнбергской тюрьмы сомнений не вызывала.

Врачам доктору Миллеру и доктору Келли уже удалось избавить Геринга от наркозависимости. Ему давали постоянно уменьшавшиеся дозы паракодеина. Начальник тюрьмы полковник Андрас вспоминал: «Когда Геринга доставили ко мне в Мондорф, он представлял собой моллюск с идиотической ухмылкой и чемоданом паракодеина. Я сначала принял его за торговца лекарственными средствами. Но мы его отучили от наркотиков, сделали из него человека».

Во время наших с ним бесед в его камере Геринг пытался произвести впечатление неунываемого реалиста, поставившего все на карту и вчистую проигравшегося, но воспринимавшего свой проигрыш как искушенный спортсмен, привыкший не только к победам, но и к поражениям. Все обвинения неизменно отменялись им одним и тем же циничным доводом о пресловутом «праве победителя». Геринг приводил массу весьма правдоподобных отговорок, ничего, по его мнению, не знал и не ведал о массовых преступлениях нацистов, постоянно пытаясь «уличить» союзные державы. Его юмор, вероятно, должен был служить одним из средств убедить собеседника, что тот имеет дело с человеком, по природе своей добродушным и не способным ни на какие зверства. Однако то и дело прорывавшееся нескрываемое презрение Геринга к остальным нацистским предводителям свидетельствовало о его патологическом тщеславии.

29 октября. Камера Геринга

(Дав комментарий к самоубийству Роберта Лея.)

– ...надеюсь, Риббентроп не сломается. За военных не волнуюсь – эти знают, как себя вести. Но Гесс – он же безумец. Он уже давно безумный. Мы поняли это, когда он полетел в Англию. Думаете, Гитлер мог отправить в Англию с такой важнейшей миссией третьего по значению человека в Рейхе наобум? Гитлер осатанел, когда ему доложили. Вы что же, думаете, это легко и приятно давать публичные объяснения в том, что один из ведущих лиц в вашем государстве – не в себе? Если ему приспичило вступить в переговоры с англичанами, надо было воспользоваться надежными полудипломатическими каналами через нейтральные страны. Мои отношения с Англией были таковы, что я мог договориться с ними в течение двух суток. Но нет, Гесс исчез, никому ни словом не обмолвившись, не имея при себе никаких договоров, вообще ничего, с пустыми руками. Какую-то дурацкую записку оставил, только и всего.

Когда в разговоре мы коснулись Гитлера, я заметил:

– Сейчас в народе только и говорят, что покушение от 20 июля 1944 года, к великому сожалению, не удалось. Наверное, пришлось отрезвление насчет нацистского руководства.

Упоминание о немецком народе возмутило Геринга.

– Поменьше прислушивайтесь к тому, что сейчас болтают! Что-что, но уж на это мне в высшей степени наплевать! Я помню, что они говорили тогда! Помню, как они обожали и боготворили нас. Пока все шло как по маслу. Я наш народ знаю!

11 ноября. Камера Геринга

– Что касается этого процесса, – рассуждал Геринг, – то это политическая затея с заранее предрешенным исходом, и я готов к последствиям. Не сомневаюсь в том, что при вынесении приговора пресса сыграет куда более важную роль, чем судьи. Уверен, что, как минимум, русские и французские судьи уже получили соответствующие наставления. За то, что на моей совести, я готов нести ответственность, но уж никак не за то, что на совести других. Но побе-

дитель – он же и всегда судья... Я знаю, что меня ждет. И готов хоть сегодня отписать моей супруге прощальное письмо...

Досадно видеть, как падает духом Риббентроп. Будь я министром иностранных дел, я просто бы заявил им: «Такова была проводимая мною внешняя политика, на том я и стою. В ранге министра иностранных дел суверенного Германского рейха она целиком и полностью являлась моей прерогативой. Если желаете меня за это судить, судите. У вас есть на то власть – вы – победители». Но я твердо бы стоял на своем. Сил нет смотреть, как он мечется из стороны в сторону, пытаюсь заслониться какими-то бесконечными меморандумами и многоречивыми заявлениями. Я не настроен против него лично, но как министр иностранных дел он всегда был для меня ничтожеством. Вот фон Нейрат, это был человек твердых принципов, проницательный. Если требовалось, мог и возразить Гитлеру, поспорить с ним... А Риббентроп только и знал – я, я, я – и ничего кроме своего я. Удачливый виноторговец, не имевший для дипломатической деятельности ни способностей, ни врожденного такта. Я уговаривал Гитлера убрать его. По двум причинам. Первое: для англичан Риббентроп был персоной нон грата, а даже Гитлер не желал вконец рассориться с бригами. Они терпеть не могли Риббентропа за его полнейшую бестактность. Не успев выйти из вагона в Лондоне, он сразу же принимался направо и налево раздавать указания относительно того, как им, британцам, удерживать под контролем равновесие сил с Россией, даже не удосужившись понять, что англичане в этой области считали и считают себя непревзойденными экспертами и сами кому хочешь совет дадут, в том числе и нам, как нам получше заслониться на Востоке. Представляясь королю, он приветствовал его «Хайль Гитлер!», что британцы, естественно, восприняли как выпад против короны. В этом со мной даже Гитлер не спорил. Представьте себе, к вам из России является посланник для переговоров и вместо приветствия выпаливает вам «Да здравствует коммунистическая революция!» Ха-ха-ха!

Подняв вверх сжатую в кулаке руку в коммунистическом приветствии, Геринг от души расхохотался.

– А второй причиной было то, что у Риббентропа отсутствовало чутье в вопросах международной дипломатии. Гитлеру об этом не судить, он сам нигде за пределами Рейха не бывал. Гитлер пришел к выводу, что если в среде торговцев вином, где вращался Риббентроп, и попаладась время от времени парочка английских графов, то это уже повод для того, чтобы считать Риббентропа «человеком со связями». Я говорил Гитлеру, если он хочет вести переговоры с англичанами, пусть тогда уж воспользуется моими каналами – лордом Галифаксом, к примеру. Но вдобавок, не считая его тупости, Риббентроп был и тщеславным, как павлин.

Ну, сами подумайте – когда шло подписание соглашения государств «оси» – ну, когда всю процедуру снимали для кинохроники и газет, он все время силился меня собой загородить перед камерами, меня – второго человека в Рейхе – поставить позади себя! Можно ли вообразить себе большее бесстыдство? Я ему тогда заявил, что если вам, мол, так уж хочется влезть под объективы, тогда я лучше присяду, а вы стойте позади меня. Но мне вообще не хотелось во все это влезать, я ведь и договор этот толком тогда и не прочел. Это потом у меня возникли возражения, а тогда что я мог решить?

Тогда Риббентроп вел себя наглее некуда. Сегодня он уже не тот. В Мондорфе он настроил документ на 85 страниц и бегал к каждому с просьбой прочесть его. Кое-кто тогда у него поинтересовался, отчего же он раньше к ним за советом не обратился? Неужели спесь не позволяла? Так что теперь пусть он возьмет свое послание и сунет сам знает куда.

Геринг снова от души рассмеялся.

– Нет, нет, против него лично я ничего не имею, – повторил он.

12 ноября. Камера Геринга

Самоубийство Гитлера Геринг считает естественным и закономерным. Он своими ушами слышал, как Ева Браун еще 22 апреля сказала Шпееру, что они с Гитлером намерены добровольно уйти из жизни. В тот день Гитлер должен был назначить Геринга своим преемником, но потом передумал и вместо этого отдал приказ арестовать его и расстрелять. Самоубийство Гитлера Геринг трусостью не считает.

– Ведь он был фюрером Германского рейха. И для меня совершенно невыносимо представить себе Гитлера вот в такой же камере в ожидании суда над ним, как над военным преступником, вершить который будут зарубежные судьи. И пусть он даже возненавидел меня перед самым концом, это ничего не меняет. Он был символом Германии. Это все равно что после завершения прошлой войны устроить процесс над кайзером. Даже японцы добились того, что их император не был отдан под суд. Неважно, пусть это будет для меня тяжелее, я готов взять все на себя, лишь бы не видеть живого Гитлера перед судом, нет, нет, такое совершенно невыносимо для меня. Вот Гиммлер – дело другое. Тому следовало бы ответить хотя бы за себя и за своих подручных. Он смог бы своим словом очень многих избавить от обвинения в соучастии в массовых убийствах. Никогда мне не понять, как он творил такое, оставаясь в ясном уме.

– Неужели вам не было известно обо всех этих ужасах, о которых говорил весь мир? – спросил я его.

– О, слышать приходилось массу домыслов, разумеется, никто ни во что подобное не верил. Но некоторые эсэсовские генералы, которым было поручено исполнение этих приказов, наверняка-то уж знали. Как они могли оставаться в ладах со своей совестью? Непонятно.

15 ноября. Камера Геринга

Мною в его камере было проведено тестирование интеллектуальных способностей. Геринг был несколько подавлен к моему приходу, но пару минут спустя приободрился. Он проявил живейший интерес к требованиям теста и после предварительного тестирования (памяти) превратился в возбужденного, самодовольного подростка, изо всех сил пытавшегося произвести впечатление на своего педагога. Когда я отмечал его успехи при запоминании представленных ему по принципу нарастания сложности рядов цифр, он довольно усмехнулся. Допустив во время одного из цифровых тестов ошибку, он с досады шлепнул себя по ляжке, после чего нетерпеливо стал похлопывать по одеялу койки, а затем попросил предоставить ему третью, а потом и четвертую попытку. «Нет, дайте я ещё раз попробую, я смогу, непременно смогу!»

И когда он, к моему нескрываемому удивлению, все-таки выдержал тест, Геринг, видя мою реакцию, не смог сдержать своей радости. Его прямо-таки распирала гордость. И в этом состоянии он пребывал до завершения тестирования; мои замечания о том, что, дескать, мало кому из его коллег удавалось подобное, привели его в неописуемый восторг, как какого-нибудь первоклашку. Я дал ему понять, что пока что никто лучших результатов не добивался. Геринг даже признал, что, дескать, все же эти американские психологи кое-что смыслят.

– Методика хороша – куда лучше, чем вся та дребедень, с которой носятся наши психологи.

– Может, вам было бы лучше податься в академики, а не в политики? – предположил я.

– Вероятно. Я убежден, что смог бы куда больше среднего человека, независимо от избранного направления. Но против судьбы не пойдешь. Она ведь от такой ерунды зависит. Вот вам пример того, как одно незначительное обстоятельство удержало меня от того, чтобы стать масоном! В 1919 году я договорился о встрече кое с кем из моих друзей вместе податься в «свободные каменщики». И пока я их дожидался, мимо прошеествовала симпатичная блондинка, с которой мне удалось завязать знакомство. После этого у меня больше не было okazji стать масоном. Не подцепи я в тот день эту блондинку, я бы ни за что не смог вступить в партию и не сидел бы вот здесь.

Йоахим фон Риббентроп

Как можно было понять из высказываний Геринга, Риббентроп из камеры № 7 мало чем напоминал того высокомерного нацистского посланника на Сент-Джеймс Корт, ни на того гитлеровского министра иностранных дел, размахивавшего плетью над головами его европейских коллег, ни на того, кто ковал зловещую «ось» Рим – Берлин – Токио. Крушение системы, удерживаемой проводимой им политикой с позиции силы, сломало и без того хилый хребет германского министра иностранных дел. Теперь это был обанкротившийся, дезориентированный и морально падший оппортунист, который бы не в состоянии привести ни единого для себя мало-мальски внятного аргумента.

Его внешняя и внутренняя неряшливость выдавали в нем пережившего крах и банкротство немецкого предпринимателя средней руки, у которого в этом мире уже не оставалось собственности, включая и собственное мнение. Если когда-то и имелась некая внятная мотивация его поступков, то ныне Риббентроп, казалось, уже и не помнил, в чем она заключалась, как бы надеясь на то, что ему о ней напомнят. На первых допросах членами обвинительного комитета Риббентроп нередко сетовал на провалы в памяти, осведомляясь у остальных, что они думают по тому или иному поводу. Находясь в камере, он коротал время за составлением бесконечных меморандумов и каждому, кто находился в пределах досягаемости, докучал вопросами относительно деталей своей защиты – тюремных врачей, охранников у дверей камеры, приносивших еду надзирателей, парикмахеров и т. д. Один из тюремных врачей высказал мысль, что, будь в этой тюрьме тюремный сторож, Риббентроп и его не обошел бы вниманием, посвятив в консультанты по поводу разработки оправдательных актов внешней политики нацистов.

В такой обстановке все попытки добиться от него высказываний, которые бы недвусмысленно свидетельствовали о занимаемой им позиции, были обречены на провал. Казалось, у Риббентропа уже не оставалось никаких точек зрения или мнений ни о чем, в состоянии ни о чем нет своего мнения, одна только пассивность и отсутствие целостности личности – в качестве оправдания он привел то обстоятельство, что, мол, всегда повиновался одному только Гитлеру. С одной стороны, если верить Риббентропу, он при поддержке Гитлера лишь выполнял свой долг, с другой – постоянно предостерегал французов и англичан насчет Гитлера. К тому же, припомнил Риббентроп, однажды – это было в 1940 году – Гитлер так накричал на него, что после этого он утратил всякую способность возражать ему.

Предстоящий процесс вселял в него ужас.

Риббентроп постоянно жаловался на то, что ему, дескать, вовсе не оставляют времени на подготовку своей защиты, и надеялся на перенесение процесса на более поздний срок. Казалось, он страшится того дня, когда его прошлое станет всеобщим достоянием, когда он вынужден будет публично представлять оправдание своей деятельности в нацистский период. Он предполагал, что многие из обвиняемых, в особенности политики со стажем, такие, как Папен и фон Нейрат, которые не без его участия были оттеснены далеко на задний план, примутся яростно порицать его лично и Гитлера за безответственную внешнюю политику, ввергшую Германию в военную катастрофу. И без конца повторял: «Нет, правда, этот процесс – великая ошибка. Требовать от немцев обвинять немцев – игра нечистая». Он подумывал и о том, как избежать публичного выступления на суде, загодя и без вникания в детали признав свою вину, сдаться на милость американским властям. Но ничего из этого не вышло, и Риббентропу приходилось преодолевать свои страхи составлением бесчисленных меморандумов и глотанием снотворных таблеток.

Яльмар Шахт

Шахт разделял презрительное отношение Геринга к Риббентропу, презирал Геринга, как и Геринг его самого, и, как и Геринг, был склонен к самолюбованию. Ни о какой взаимной симпатии в среде бывших самозванных вершителей судеб Третьего рейха речи не было и быть не могло. И ненасытное стремление Геринга к первенству и лидерству во всех областях не могло не войти в конфликт с подобными же проявлениями Шахта. Это наглядно продемонстрировало даже тестирование на IQ.

В действительности Герингу, к его великому неудовольствию, так и не суждено было оказаться на первом месте (см. соотв. табл.). Первое место досталось его извечному сопернику и противнику, этому «финансовому колдуну» Яльмару Шахту. Это оказалось полной неожиданностью для Геринга, но не для Шахта, предпочитавшего не делать секрета из того, что он из всех обвиняемых этой тюрьмы действительно невиновен. И к тому же самый умный. Стоит упомянуть, что его возмущение по поводу того, что он оказался в одной упряжке со сторонниками Гитлера в подобной же ипостаси, не было совсем уж безосновательным, ибо Шахт ко дню доставки в эту тюрьму в день капитуляции 10 месяцев успел провести в нацистском концлагере, куда был брошен по обвинению в саботаже. И всех, кто посещал его, Шахт немедленно ставил в известность о том, что нынешний его статус – досадное недоразумение, что он надеется на скорое завершение процесса и скорое повешение всех истинных преступников, а также на скорое возвращение в родные стены.

23 октября. Камера Шахта

– Я полностью доверяю судьям и не опасаясь исхода этого процесса. Кое-кто из обвиняемых невиновен, но большинство – самые настоящие преступники. Даже Риббентропа, и того следует вздернуть – за его глупость, нет на свете преступления хуже, чем глупость.

1 ноября. Камера Шахта

Не скрывая своего возмущения тем, что его содержат здесь наряду с настоящими преступниками, Шахт рассчитывает, что процесс не затянется надолго. Я высказал мнение, что, мол, исход его в значительной мере зависит от того, как поведут себя обвиняемые и что станут говорить.

– Что касается меня, то мне потребуется от силы полчаса, поскольку всем и каждому известен факт моей оппозиционности агрессивной политике Гитлера. Именно за это он заточил меня в концентрационный лагерь, где я пробыл 10 месяцев, и после этого меня тащат сюда как военного преступника. Вот что меня больше всего возмущает.

– Но вы же должны понять, что правительству Рейха за многое придется держать ответ, – пытаюсь вразумить его. – И, разумеется, никто из действительно невиновных не будет осужден.

– В этом я не сомневаюсь. Поэтому я со спокойной совестью и оцениваю происходящее здесь, чего другие господа сказать о себе не могут. Каждому известно, что я был противником войны. Это упомянуто даже в книге посла Дэвиса «Московская миссия». Я лишь стремился поднять германскую промышленность. И пресловутое «финансовое колдовство» состояло лишь в действенном сосредоточении и использовании финансовых механизмов и средств Германии. Единственное, в чем меня действительно можно обвинить, так это в нарушении Версальского договора. Но если это считать преступлением, то и самим судьям неплохо бы в нем покаяться. Англия не только молча взидала, как мы вооружались, а даже в 1935 году заключила с нами пакт, согласно которому численность наших военно-морских сил ограничивалась одной третью от военно-морских сил Великобритании. Когда мы вводили всеобщую воинскую обязанность, никто из мировых держав и не пикнул. Их военные атташе присут-

ствовали на наших военных парадах и видели все своими глазами. И даже наши агрессивные методы находили понимание. После попытки применения санкций к Италии захват Эфиопии все же был признан. Когда русские напали на Финляндию, никто и пальцем не шевельнул. Нет, трудновато им будет выстроить обвинение на несоблюдении Версальского договора. Даже американские банкиры давали нам деньги займы, чему я всегда противился, поскольку речь шла о том, чтобы выполнять их поручения и поддерживать искусственное состояние, которое долго сохраняться не могло.

Признаюсь, у меня хватило глупости на первых порах поверить в мирные намерения Гитлера. Я лишь в той степени поддерживал ремилитаризацию, в какой она могла способствовать безопасности Германии. Но мое недоверие росло по мере того, как все больше средств выделялось исключительно на вооружение. А пелена с глаз упала тогда, когда он сместил с должности начальника штаба генерала фон Фрича, тот всегда был противником агрессивной войны, а на его место сунул своего лакея Кейтеля. Я пытался попридержать деньги, не позволить транжирить их на дальнейшее вооружение, в результате чего меня просто вышвырнули. По мере роста его агрессивности, мои позиции слабели. Кончилось все тем, что он в 1944 году упрятал меня в концлагерь.

Что до антисемитизма, то еще в 1934 году я сумел добиться от него заверения, что на промышленность это не распространится, и пока я находился на посту, никакой дискриминации не было. Истинную причину следует искать не в расовой чистоте – это нонсенс. Речь шла о том, чтобы потеснить евреев среди представителей свободных профессий. А об ужасах и злодеяниях я впервые услышал во Флоссенбурге, где был интернирован. Мне рассказывали о том, как людей в каком-нибудь лесу раздевали догола и потом вели на расстрел. Кошмар. Меня в ужас приводила мысль о том, что живым из этого лагеря выбраться никому еще не удавалось. А меня они решили не трогать только потому, что я потенциально мог сгодиться в качестве предмета каких-нибудь торгов, как заложник.

Ганс Франк

Не все обвиняемые разделяли цинизм Геринга или чувство поправленной невиновности Шахта. Двое, может быть, трое из них обнаруживали некоторые признаки раскаяния. Одним из таких был Ганс Франк, бывший генерал-губернатор оккупированных районов Польши, незадолго до описываемых событий перешедший в католичество. Обычно он сидел в своей камере, углубившись в Библию или какое-нибудь произведение немецкой классической литературы и мизинцем перелистывая страницы (во время неудавшейся попытки самоубийства после ареста Франк серьезно повредил сухожилия обеих кистей. Пальцы рук практически утратили подвижность, и иногда он держал левую руку в перчатке). Зажившая рана имела и в области шеи – еще одно свидетельство попытки самоубийства. Те, кому пришлось допрашивать Франка, характеризовали его как человека, склонного к брюзжанию и уходу от ответов на поставленные вопросы. Рассказывают даже, что Франк, покидая кабинет следователя, в гневе выругался («Свинство!»). Тем большее удивление у меня вызвало то, что бывший генерал-губернатор Польши был сама любезность и предупредительность и не скрывал испытываемого им раскаяния, в то же время отчаянно и не без стилистических достоинств кляня во все тяжкие Гитлера.

7 ноября. Камера Франка

– Да, многое для меня прояснилось в тиши этой камеры. И дело не в процессе. Но каковы же ирония судьбы и божественная справедливость! Знаете, есть суд Божий, куда более разрушительный в своей иронии всех иных судов, придуманных человеком! Гитлер олицетворял абсолютное зло на земле, не признавая на ней власти Божьей, а лишь свою. Бог, созерцая это стадо язычников, раздувшихся от сознания своего ничтожного могущества, в один прекрасный момент в радостном гневе просто смел их прочь с пути своего.

Соответствующий жест рукой в перчатке.

– Одно скажу – гневная усмешка Божья куда страшнее любой людской жажды отмщения! Когда я вижу, как Геринг без формы, без орденов покорно отгуливает положенные ему 10 минут по тюремному двору под насмешливыми взорами охранников-американцев, я вспоминаю, как он, будучи на пике своей славы, царил в статусе рейхспрезидента! Гротеск, да и только! Здесь собраны те, кто стремился урвать себе побольше власти над страной, и теперь каждый в своей камере – четыре стены да санузел – и в них они дожидаются процесса как заурядные преступники. Это ли не доказательство насмешки Божьей над богохульным властолюбием людским?

Его улыбка постепенно застыла, глаза превратились в узенькие щелочки.

– Но разве эти люди преисполнены чувства благодарности за эти последние недели, дарованные им для осознания грехов тщеславия и равнодушия и покаяния в них? Для раскаяния в том, что вступили в союз с дьяволом во плоти, во всем ему повинуюсь? Сподобились ли они преклонить колено, испрашивая милости Господней? О нет, они обуяны страхом за свою жизнь, они цепляются за любые смехотворные оправдания, чтобы отделаться от вины своей! Неужели не понимают, что все это страшнейшая в истории человечества трагедия, что мы есть символы злых стихий, напрочь отметаемые Господом? – Гневно возвысив голос, Франк тут же извинился перед охранником, бросившим недоумевающий взор внутрь камеры.

Франк продолжал все в том же гневно-гневно-патетическом тоне:

– Если бы хоть один из нас нашел в себе мужество пристрелить его! Вот единственное, в чем я себя упрекаю! Скольким смертям, горестям и разрушениям не суждено было бы произойти! В 1942 году я постепенно стал приходить в себя, признавать, какой демон воплотился в нем. Когда я выразил протест против тогдашних террористических мер, он лишил меня воинского звания и должности, спровадив меня в качестве болванчика на место генерал-губерна-

тора Польши, чтобы навеки сделать из меня символ тех преступлений, что выпали на долю этой пострадавшей страны. Это все присущая ему сатанинская злоба. А теперь я здесь – и поделом – сначала я тоже был в союзе с этим дьяволом. Позже по прошествии лет я осознал, какой это хладнокровный, жестокий и бесчувственный психопат.

Этот его пресловутый «заораживающий взгляд» – да это всего лишь взор исподлобья одеревенелого от бесчувствия психопата! Движим он был заурядным тщеславием, не знавшим и не ведавшим никаких общепринятых норм. Отсюда его ненависть ко всем юридическим, дипломатическим и религиозным институтам – ко всей системе социальных ценностей, ко всему, что могло бы обуздать его пещерное стремление любыми средствами утвердить себя. Разыгрывал из себя великого ценителя искусств, не имея ни малейшего понятия об искусстве. Естественно, обожал Вагнера, он ведь и в себе видел его исполнителя. Преисполненное драматического великолепия божество. А это его преклонение перед наготой. Изображение обнаженного человеческого тела вполне приемлемо в искусстве как символ красоты, грации и чувственности, но Гитлер был неспособен этого оценить. Нагота для него – лишь протест против традиции, понять которую он не желал.

Нет, психопатическая ненависть к формально-традиционному определяла весь характер Гитлера. Именно поэтому он питал доверие к пресловутым «людям поступка», таким, как Гиммлер и Борман. Борман был у него за секретаря – мерзким льстецом и безжалостным интриганом, собственно, зеркальным отражением характера самого Гитлера. Я убежден, что все злодеяния замыслились этой тройкой, каждый из которых не имел ни совести, ни чести...

Мы беседовали об отношении немецкого народа к Гитлеру. Франк предостерегающе поднял вверх перст:

– Бойтесь сказочников, господин доктор! Гиммлер ни за что бы не отважился на осуществление своей программы геноцида без одобрения или приказа Гитлера.

15 ноября. Камера Франка

Франк заявил, что теперь и впервые в жизни ощущает невиданное духовное освобождение. В первую очередь его сновидения – они выносят его далеко за стены этой камеры, он видит раскинувшиеся перед ним пейзажи, необозримые морские дали, высокие горы и небо, и каждый раз пробуждаясь, вновь переживает необычное чувство духовного и физического облегчения. (Незадолго до нашей беседы он увидел во сне Гитлера, что укрепило в нем чувство признания своей вины.) Франк высказал мысль о том, что внутренняя сила способна раздвинуть стены любой, даже самой тесной камеры.

Бальдур фон Ширах

Бывший вождь германской молодежи, красавец Бальдур фон Ширах в своих раскаяниях не был столь истеричен, но и он смирился со своим скорым концом. Во время нашей беседы в камере он был серьезен и взвинчен, а свои эстетические воззрения изложил в сочиненном им стихотворении «К смерти». Фон Ширах прекрасно понимал, что его ожидает. И еще во время самой первой встречи со своим адвокатом заявил тому: «Пока моя голова не слетела с плеч, я буду носить ее высоко поднятой». Наша первая беседа с ним состоялась неделю спустя после вручения ему обвинительного заключения и позволила мне составить весьма верное представление о нем самом и о переживаемом им чувстве вины.

27 октября. Камера Шираха

По завершении «теста на кляксы» (тест Роршаха, когда определенные черты характера испытуемого определяются по его способности усматривать образы, скрытые в чернильных кляксах) мы затронули темы обвинения и виновности. Поскольку по нескольким пунктам фон Шираху вменялось в вину насаждение расовой ненависти, он попытался объяснить, как стал антисемитом:

– В годы моей молодости, вращаясь в дворянских кругах, мне никогда не доводилось общаться с евреями. И у меня не было причин для антисемитизма, однако в «высшем обществе» я всегда ощущал молчаливую неприязнь к евреям. Я не придавал этому особого значения до той поры, пока кто-то не подsunул мне изданную в Америке книжку «The International Jew» («Космополитизм евреев»), а тогда я пребывал в весьма подверженном разного рода влияниям в возрасте 17 лет. Этот кто-то и не подозревал, как повлияет эта книга на неокрепшее сознание немецкой молодежи. Примерно в тот же период меня увлекли идеи Юлиуса Штрейхера, сумевшего придать антисемитизму псевдонаучный характер.

Поскольку очень многие представители старшего поколения исповедовали сходные идеи, вполне понятно, что молодежь некритично унаследовала их. В 18 лет у меня произошла встреча с Адольфом Гитлером. Должен признать, он привел меня в восторг; я отправился на учебу в Мюнхен именно потому, что в этом городе жил он, и там стал одним из самых верных его соратников. С тех пор я и стал убежденным антисемитом и был им до тех пор, пока недавние события не доказали полную несостоятельность этой теории. Но почему поколение старших растлило нас? Почему никто не предупредил нас о том, что «The International Jew» – измышление Форда, а «Протоколы сионских мудрецов» – фальсификация? К чему все эти пресловутые «научно-исторические концепции», целью которых было посеять чувство ненависти в наших юных головах? Я не буду отрицать своей вины. Я совершил ошибку, одобрив венскую эвакуацию, и готов за это заплатить жизнью. Но немецкая молодежь не должна быть навечно обвинена в этом преступлении. Немецкую молодежь следует перевоспитать. Я не верю, что после этого ужасающего примера где-то в мире снова прорастет антисемитизм. Но народу необходимо избавиться от того молчаливого общественного неприятия евреев, которое и послужило питательной средой для этого недуга.

Далее Ширах разъяснил свое отношение к фюреру, рассказав о том, как на протяжении лет наблюдал, как менялся Гитлер.

– До 1934 года он еще был человеком, начиная с 1934 года до 1938-го, он превратился в сверхчеловека, после 1938 года – он перестал быть человеком, превратившись в тирана. Мне кажется, власть ему в голову ударила после смерти Гинденбурга в 1934 году, превратившей его в вождя Рейха. А это вселило в него манию величия – он пошел на ликвидацию всех правовых и судебных институтов, а незадолго до войны это был самый настоящий диктатор, одержимый планами завоевания мира.

Впервые он разочаровал меня, нарушив Мюнхенское соглашение, я сразу же усмотрел в этом его шаге всю пагубность для международного авторитета Германии. Но тогда ему еще удалось убедить меня в том, что исход будет благоприятным. Мне кажется, примерно в 1942 году я впервые стал замечать, что он скатывается к безумию. Во время разговора его взгляд внезапно угасал, и он резко менял тему. И в этот момент тебе казалось, что он смотрит куда-то еще, и ты недоуменно оборачивался. И эта его способность просто не слышать того, чего он слышать не желал.

В 1943 году у нас с ним вышел один спор по принципиальному вопросу. Моя жена видела, как евреев выгоняли из их жилищ, и, будучи яркой идеалисткой, она решила поинтересоваться у фюрера, известно ли тому об этом бесстыдстве. Он не вымолвил ни слова. Тут задал вопрос и я, желая узнать, что же ожидало депортированных евреев. И тут он накинулся на меня с такой яростью, что я уже не сомневался в том, что меня ждет неминуемый арест. С тех пор я оказался в опале.

Скупой свет снаружи померк, и в тусклом освещении тюремной камеры мы с трудом видели друг друга. И в этой полутьме до меня доносился затихающий голос Шираха.

– Когда обо всех этих зверствах стало известно в конце войны, подтвердились мои худшие опасения, и я уже тогда знал, что поплачусь за это жизнью. Но я не желаю и никогда не желал наложить на себя руки, как трус. Я ничего не делал, чтобы избежать ареста. Я даже предложил американским властям собрать всех фюреров гитлеровской молодежи в Бухенвальд для перевоспитания, а себя я был готов принести в жертву за все эти ошибки прошлого, совершенные по недомыслию. Надеюсь, что хоть этим я смогу загладить то, что совершил...

Тут Ширах умолк, и в камере повисла тишина.

Альберт Шпеер

Высокий, с кустистыми бровями бывший гитлеровский министр вооружений вначале привлек к своей фигуре всеобщее внимание, но концепции Шпеера относительно вины нацистов, в отличие от остальных его коллег по тюрьме, была присуща прямота и даже некоторая экзальтированность.

23 октября. Камера Шпеера

Из всех, наверное, Шпеер был самым большим реалистом. Он утверждает, что изначально не питал никаких иллюзий относительно своей участи, и поэтому обвинительное заключение ничуть его не шокировало. Он признает, что в связи с тяжестью совершенных преступлений данный процесс исторически обусловлен и в целом Шпеер считает его целесообразным. Он не считает необходимым проливать слезы о судьбе каждого из них в отдельности, хотя его собственная дальнейшая судьба представляется ему весьма туманной, как и судьба остальных.

О перечисленных в обвинительном заключении преступлениях он, по его мнению, не имел представления, поскольку в 1942 году, несмотря на полное отсутствие необходимого опыта, был поставлен во главу совета по вопросам вооружений. О концлагерях он знал не более, чем любой другой министр о ракетах «Фау-2». В марте (1945 года) он заявил Гитлеру, что все пошло крахом и что теперь, невзирая на последствия для себя лично, каждый обязан сделать все, чтобы уберечь Германию от окончательного уничтожения. Гитлер на это ответил, что раз Германия не сумела выиграть эту войну, то не заслуживает права на дальнейшее существование.

Осознание того, что Гитлер был деструктивным безумцем, а не патриотом, стремившимся возвести здание Германии за счет других, по-видимому, разрушило последние иллюзии архитектора Шпеера. В своей камере он – впервые за все существование Третьего рейха – подверг объективному анализу все нацистское руководство, придя к запоздалому признанию полной его несостоятельности. Тем, что он полностью признавал справедливость выдвинутого обвинения и исходившего из него требования о коллективной ответственности нацистского руководства за свои чудовищные преступления, тем, что он, с другой стороны, не видел оправдания в бездумном повиновении, Шпеер изначально отличался от остальных.

Хотя перед началом судебного процесса Шпеер многоречивостью не отличался, иногда им высказывалась его точка зрения на германское военное командование. Однажды он с горечью заметил: «Да, я понимаю – они всегда так цветасто говорили о героической гибели во славу фатерланда, не рискуя при этом собственной головой. А теперь, когда речь действительно зашла о жизни и смерти, они трясутся от страха, ища любую зацепку, любое оправдание. Вот эти герои и привели Германию к краху!»

Вильгельм Кейтель

В основном критические высказывания Шпеера были направлены против помпезной фигуры Геринга, но досталось и безвольному представителю прусского милитаризма – фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю. Несмотря на полученное Кейтелем воспитание в духе прусского офицерства, его поведение во время допросов в камере отличалось чуть ли не подобоострастием. Начальник верховного командования вермахта, оккупировавшего почти всю Европу и разбитого лишь усилиями коалиции ведущих мировых держав, теперь выгибался в поклонах перед каждым лейтенантом, появлявшимся в его камере, всячески стремясь убедить его, какой малозначительной фигурой он был в Рейхе. Лишенный всех знаков отличия, внешне Кейтель все же весьма напоминал прусского офицера старой закалки. Однако вне своих полномочий он превратился просто в некое аморфное создание. Мысль о том, что фельдмаршал может быть отдан под суд за отдачу или выполнение тех или иных приказов, явно никогда не посещала его. Это не могло не найти свое отражение в некоторых наших с ним беседах.

26 октября. Камера Кейтеля

Я поинтересовался у Кейтеля, каково его мнение об обвинительном заключении, с которым он имел возможность в спокойной обстановке ознакомиться. Параграф, в котором шла речь об ответственности всех членов группы заговорщиков, был выделен карандашом, а на полях имелось его замечание об исполнительности как средстве оправдания:

– Ради Бога, разъясните мне, каким образом мне может быть предъявлено обвинение в развязывании захватнической войны, если я служил не более чем рупором для выражения волеизъявления Гитлера? Как начальник штаба я никакими полномочиями не обладал, я не имел командной власти – никакой. Я должен был лишь спускать штабу его исходившие от него приказы и следить за их исполнением. О его планах в целом я не имел понятия, он исключил все сомнения на тот счет, что в сферу моей компетенции входили исключительно военные вопросы. Предположительно, он стремился, как мне становится теперь понятным, к тому, чтобы все его министры не выходили за рамки своих прерогатив, чтобы никто не имел возможности составить себе цельное представление об его планах. Теперь многое стало мне понятным из того, во что я по глупости своей не вникал, к примеру, вопрос о назначении нового главнокомандующего в 1940 году. Когда генерал фон Бломберг повел себя не лучшим образом в известных всем обстоятельствах (детали милостиво прошу позволить мне опустить), Гитлер потребовал от меня предложить кандидатуру его преемника. Я предложил Геринга, однако он счел его неспособным быть верховным главнокомандующим. И решил сам подобрать кандидата на эту должность. Тогда я не мог понять почему, поскольку полагал, что у него полно забот и по остальным государственным вопросам. Но сейчас понял, что он имел свои собственные планы, которые не рисковал доверить никому.

Обвинения против меня ужасны. Поверьте, стоило мне иногда присмотреться к тому или иному развитию событий, у меня в глазах темнело. Но что я мог предпринять? У меня оставались лишь три возможности: а) отказ выполнять приказы, что было равносильно гибели; б) уйти со своего поста или в) покончить жизнь самоубийством. Трижды я был готов принять решение уйти со своего поста, но Гитлер давал мне понять, что расценит мой уход в военное время как дезертирство. Что я мог поделать?

Преследование евреев? Все, что было в моей власти, так это оградить армию от проведения антисемитизма в жизнь. Когда после принятия «нюрнбергских законов» евреи постепенно лишались собственности, избирательного права, я убеждал фюрера из соображений морального порядка не изгонять из армии заслуженных солдат. Он согласился со мною. Но все, что лежало вне войсковых рамок, естественно, в мою компетенцию не входило. Разумеется, впо-

следствии мне стало известно, что даже солдаты – герои Первой мировой войны, имевшие награды, подвергались остракизму, но разве я мог что-то изменить?

17 ноября. Камера Кейтеля

Кейтель заявил, что «чувствует себя, как рыба в воде». Перед проведением тестирования IQ он привел в порядок свой стол, прибрал в камере, высказал отдельные замечания по поводу допроса, который незадолго до этого закончился.

– Мне задали дурацкий вопрос: «А вы сами выразили протест против пресловутого решения генштаба, заведомо зная, что оно означает войну?» Разумеется, никаких возможностей протестовать у меня не было. Да и как вообще офицер может протестовать? И, конечно, ответ на все подобные вопросы мог быть лишь один – «нет». Офицер не имеет права подняться с места и выразить свое несогласие с решением вышестоящего начальника! Мы можем лишь получать приказы и их выполнять. Я понимаю, что это вас не волнует, поскольку вам-то на допросы ходить нет нужды, но подумал, что вас это интересует как психолога. Трудновато американцу понять приученного к дисциплине и повиновению пруссака.

После того как Кейтель заявил, что готов, мы приступили к тестированию. Он продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству и весьма ревностно прислушивался к моим похвалам. Тест на результативность Кейтель воспринял весьма серьезно. При проведении теста на исключение и выделение существенных признаков он аккуратно откладывал использованные карточки стопкой в одну сторону, каждый раз удаляя ненужные из рабочего поля и освобождая место для следующего задания. Постепенно он начал верить в объективность тестирования, по его мнению, именно эти методы куда интереснее той «бредятины», используемой соответствующими службами вермахта.

– Нет, поверьте, они даже моего сына провалили при приеме в военное училище из-за какой-то дури в каком-то темном помещении; кроме того, ему предстояло произнести речь, причем они сочли, что его голос слабоват для тех, кому его придется слушать. Я всю эту ерунду прекратил.

После тестирования Кейтель вновь вернулся к теме офицерства и политических взглядов.

– По моему мнению, морские офицеры куда сообразительнее по части политики, чем сухопутные, поскольку им приходится повидать свет. Они и в Англии побывали, и в Вальпараисо, и где угодно, а там поневоле познаешь ментальность других народов, чего сухопутному офицеру не удастся. Наша большая ошибка в том, что армейские офицеры так и не поднялись над этой традиционной ограниченностью военного.

Альфред Йодль

Дух пруссачества в генерале-баварце Йодле проявился даже сильнее, чем в Кейтеле. Поначалу замкнуто-сдержанный Йодль по прошествии времени все же пожелал выразить свое отношение к обвинительному заключению.

1 ноября. Камера Йодля

– Это обвинение меня словно обухом по голове ударило. Первое: я на 90 % не имел представления, что содержалось в его пунктах. Преступления ужасают, если они действительно были совершены. Второе: я не понимаю, как можно взять да отбросить солдатский долг повиновения. Именно согласно этому кодексу я и прожил всю свою жизнь. Третье: вся ответственность за позорные деяния на Восточном фронте вдруг оказалась перевернутой с ног на голову. Как могут русские судить нас после своих собственных деяний по отношению к населению восточных земель? Далее, утверждается, что мы, дескать, обогатились за счет ограбления своих жертв. У меня просто язык отнялся после этого! Пожалуйста, обвиняйте меня за то, что отдавал приказы о начале кампаний в Голландии, Бельгии, Норвегии и Польши, но не надо обвинять меня в том, что я после проведения этих акций разбогател хотя бы на один-единственный несчастный пфенниг. Я и сам, поверьте, не мог взять в толк, как это нашим партийным бонзам удастся урвать себе выгоду от наших побед. Я же был и оставался генералом.

Когда мы в своей беседе вновь коснулись жестоких методов ведения войны, Йода поднял руки вверх:

– Эти ужасы – они совершенно непостижимы для меня! Я просто не в состоянии понять, что за чудовища отвечали за те лагеря и действительно совершили эти деяния.

– Разумеется, немцы; они ведь безоговорочно подчиняются приказам, – бросил я.

– Немцы, это верно, но... Скажите мне как мужчина мужчине, вам когда-либо приходилось слышать о кровожадности и бесчеловечности немцев? Я не могу в это поверить. Эти черты характера совершенно несвойственны немцам. Это типично азиатские свойства.

– Но ведь принял же немецкий народ такой активный антисемитизм, как «нюрнбергские законы» и штрейхеровский «Штюрмер», – заметил я.

– Уверяю вас, никто и представить себе не мог, что замышлялись именно такие меры. И этот помешанный на сенсационности порнограф-журналист Штрейхер у многих вызывал отвращение. Как вам известно, Геринг в конце концов отстранил его от дел. Нет, единственное, на что попался народ, так это на то, что антисемитизм приравнивали к антикоммунизму, что в какой-то степени оправдывалось нашей революцией 1918 года. Но кто мог представить себе такие последствия? Это же просто ужас!

Франц фон Папен

Папен был сама вежливость и обязательность, кроме разве что тех случаев, вводивших его в искреннее недоумение, вот тогда прорывался его взрывной темперамент семидесятилетнего. В наших беседах он признал, что был прекрасно осведомлен о том, что Гитлер был лжецом и предателем. Но так и не смог дать внятного разъяснения, почему он сам продолжал работать в гитлеровском правительстве.

30 октября. Камера Папена

После проведения теста мы говорили о Гитлере.

– Он был патологический лжец – это ясно, – заявил Папен. – Я так и не смог его раскусить. Как я понимаю, сначала он хотел только хорошего для Германии, но превратился в безголового злодея из-за окружавших его льстецов и подхалимов – Гимmlера, Геринга, Риббентропа и остальных. Я неоднократно пытался убедить его в том, что его антисемитская политика неверна в корне. Первое время он прислушивался ко мне, но впоследствии я утратил влияние на него.

Далее Папен рассказывал, как ему приходилось убеждать Гитлера запретить Геббельсу бойкотировать Зальцбургский фестиваль в бытность Папена в Австрии в 1934–1938 годах. (Геббельс пытался бойкотировать фестиваль из-за директора Рейнхардта.)

О роли, которую он играл в нацистской политике, Папен заявил следующее:

– Разумеется, я понимал, что Гитлер тем, что нарушил Мюнхенское соглашение, повинен в потере доверия. Но что я мог сделать? Эмигрировать из Германии? Мне казалось, что с меня хоть какая-то польза будет, именно если я останусь... Меня тут превратили в какого-то дьявола, в интригана, как, например, в этой книжке «Devil in Top Hat». Но мне ничего не стоит доказать, что я всегда стремился к миру. Верю в справедливость американцев и рад, что благодаря этому процессу правда восторжествует. А что произойдет со мной, это не столь важно – я у конца своего жизненного пути. Но на этот суд возложена высокая миссия утверждения международной справедливости.

Психологические тесты

Программа психологического тестирования в основном была завершена на период начала допросов. Подследственные находились в своих одиночных камерах, что и гарантировало объективность и достоверность результатов тестирования. Из различных проведенных тестов (на интеллект, тест Роршаха, тест личностных качеств на основе тематической апперцепции) легче всего описанию в общих чертах поддастся тест на интеллект, хоть он и не является самым показательным.

Я воспользуюсь своим собственным переводом американского «Теста на интеллект Векслера-Беллеву для взрослых», в котором я опустил некоторые элементы, обусловленные разницей культур и повлиявшие на тезаурус и общеобразовательный уровень. Тест состоял из:

А. Устные тесты памяти и комбинационных возможностей.

1. Запоминание числового ряда постепенно увеличивающейся длины.

2. Простой счет с нарастающей степенью трудности.

3. Вопросы к здравому рассудку.

4. Словообразование (образование новых словесных понятий посредством создания новых производных слов).

Б. Тесты на восприятие и реакцию.

5. Тест на субституцию (тестируемый должен заменить определенные символы цифрами).

6. Игры-головоломки на составление целого из отдельных элементов (пазлы).

7. Тесты на исследование уровня и течения мыслительных процессов.

8. Определение на рисунках отсутствующих предметов.

Вышеупомянутые тесты тщательно разрабатывались с учетом взрослых испытуемых и являются достоверным способом для определения уровня умственных способностей, которые, как правило, неотъемлемы от полученного испытуемым высшего образования. Уровень IQ рассчитывался в соответствии с методикой Векслера-Беллеву, которая (в отличие от методики Стэнфорда-Бинс) располагает механизмом компенсации естественного ухудшения показателей пропорционально возрасту испытуемого, что позволяет объективно оценить уровень интеллекта у людей различного возраста. Однако следует принимать во внимание, что фактически уровень интеллекта пожилых людей, таких, как Папен, Редер, Шахт и Штрейхер, на 15–20 % ниже приводимых данных, но полностью соответствует данным для их возрастных групп.

Испытуемый	Уровень интеллекта (IQ)
Яльмар Шахт	143
Зейсс-Инкварт	141
Герман Геринг	138
Карл Дёниц	138
Франц фон Папен	134

Данные оценки интеллектуальных способностей показывают, что нацистские бонзы за исключением Штрейхера продемонстрировали интеллектуальные способности выше среднего уровня (IQ 90–110), что лишь подтверждает факт о том, что самые выдающиеся личности в

любой области человеческой деятельности – будь то политика, промышленность, армия или преступный мир, – как правило, отличаются более высоким уровнем интеллекта.

При этом не следует забывать, что IQ передает лишь механические способности человеческого мозга, не имеющие ничего общего ни с характером, ни с нравственностью испытуемого, равно как и с остальными неотъемлемыми при оценке той или иной личности признаками. Истинный характер познается прежде всего на основе личной шкалы ценностей каждого индивидуума и его основных мотиваций.

Проективные тесты (как тест Роршаха) указывали на отдельные особенности реактивности, однако глубокое изучение характера и личности требует пролонгированного наблюдения с тем, чтобы достичь подтверждения вышеупомянутых оценок и мотиваций.

И все же такое глобальное и возымевшее катастрофические последствия явление, как национал-социализм, не может быть уяснено и изучено посредством одного лишь изучения характеров вождей. Психологам необходимо углубиться в личность в целом, во взаимодействии с соответствующими общественно-историческими фактами. Нюрнбергский процесс дал идеальную возможность для такого рода изучения. Записи дневникового характера, вопросы и ответы нацистов в течение года, когда обвинялось все их прошлое, оказались куда достовернее всех тестов. И теперь нам предстоит обратиться к историческим документам и психологическим реалиям, которые и образовали данный дневник.

Дневник процесса 1945–1946 гг.

Открытие процесса. Англо-американское обвинение

20 ноября

Утреннее заседание. Протоколирование ужасающего списка нацистских преступлений, включенных в обвинительное заключение: «Пункт первый обвинения – совместный план или заговор... Установление тотального контроля над агрессивным нападением на другие страны... Пункт второй обвинения – преступления против мира... нарушение международных договоров, соглашений и гарантий?».

Когда обвиняемые поняли, что открытие судебного заседания включает в себя лишь зачитание обвинительного заключения, с которым они уже ознакомились, напряжение на скамье подсудимых заметно спало. Они сидели безучастно и неподвижно, некоторые поочередно подключали наушники к различным языкам перевода, кое-кто оценивающе приглядывался к присутствовавшим в зале судебных заседаний, к судьям, обвинителям, репортерам и публике.

Перерыв. При первой встрече обвиняемые дали волю чувствам – трясли друг другу руки, впервые с момента ареста разговаривали друг с другом, причем некоторым из них выпала возможность впервые пообщаться друг с другом. После того как зал опустел, они оставались там и с чувством облегчения болтали друг с другом на самые разные темы: от политики до естественных отпавлений.

Риббентроп попытался обратиться к Гессу, однако из этого ничего не вышло, поскольку Гесс не смог припомнить ни одного из перечисленных в обвинительном заключении пунктов. На что Риббентроп заметил мне:

– К чему поднята вся эта шумиха по поводу нарушенных договоров? Вам не приходилось читать истории Британской империи? Там сплошь нарушенные договора, подавление национальных меньшинств, геноцид, захватнические войны и так далее.

Я осведомился у него, могут ли преступления прошлого служить примером для международного нрава.

– Не могут, но мне кажется, в будущем люди будут вынуждены решать свои разногласия мирным путем, поскольку прибегать к помощи атомной бомбы стало слишком опасно, – ответил он.

Гесс насторожился:

– Атомная бомба? А что это такое?

– Бомба, которая уничтожает все при помощи энергии атома, – попытался объяснить Риббентроп.

– То есть?

Риббентроп снова ударился в разъяснения по поводу атомной бомбы, поинтересовавшись у Гесса, действительно ли тот не может вспомнить ничего из того, что было перечислено сегодня.

Наблюдая за остальными во время обеда, я заметил, что кое-кто высказался относительно улучшения качества пищи.

– Наверное, в день, когда нас вздернут, мы получим по бифштексу, – ухмыльнулся Ширах.

Штрейхер сидел в одиночестве, потому что остальные пока что игнорировали его. Когда я оказался довольно близко от него, Штрейхер поднялся с места, чтобы привлечь мое внимание.

– Знаете, герр доктор, – попытался он завести разговор, – мне уже однажды выносили приговор в этом же зале.

– Правда? Сколько же раз вас отдавали под суд?

– О, раз двенадцать или тринадцать. Так что у меня за спиной не один судебный процесс. Не впервой.

Чуть погода мною снова попытался завладеть Риббентроп:

– Увидите, несколько лет спустя юристы осудят этот процесс. Нельзя проводить судебное расследование вне закона. Кроме того, не очень-то хорошо заставлять одних немцев осуждать других, как это имеет место на данном процессе.

Полковник дал мне знак снова усадить их на место. Ширах, проходя мимо меня, бросил:

– Неважнецкий день – нет, не для вас, для нас.

Послеобеденное заседание. Зачтение обвинительного заключения продолжилось:

«...пункт обвинения третий – военные преступления... зверские убийства и дурное обращение с гражданским населением... и военнопленными... депортации для рабского принудительного труда... казни заложников... пункт обвинения четвертый – преступления против человечности – геноцид, истребление, рабство... преследование по политическим, расовым мотивам...»

После перечисления обвинений согласно п. 4 зачитывались обвинения отдельных обвиняемых и организаций.

У Риббентропа произошел приступ головокружения, сопровождавшийся шумом в ушах, после чего он был выведен из зала. Позже Геринг рассказал мне, что окончательно убедился в ненормальности Гесса после того, как тот на скамье подсудимых шепнул ему следующее:

– Вот увидите, этот кошмар развеется, и месяц спустя вы снова станете фюрером Германии.

21 ноября. Зачтение вступительного решения

Утреннее заседание. Вступительное слово представителя обвинения Джексона:

Все обвиняемые высказались по поводу предъявленных им обвинений «невиновен», причем некоторые с добавкой «по сути обвинения». После этого обвинитель Джексон выступил с вступительной речью как представитель обвинения. В своей речи Джексон обрисовал захват нацистской партией государственной власти при помощи молодчиков из штурмовых отрядов СА, «подавлявших любое проявление оппозиционности и впоследствии сумевших добиться союза с оппортунистами, милитаристами, промышленниками, монархистами и политическими реакционерами».

Месяц спустя после захвата власти Гитлером в качестве повода к оказанию давления на Гинденбурга для отмены всех гарантий Веймарской конституции и наделения Гитлера диктаторскими полномочиями был использован пожар рейхстага. За считанные месяцы были распущены профсоюзы, и Роберт Лей стал единоличным диктатором всех немецких рабочих.

Нацисты воплощали в жизнь свою антихристианскую идеологию преследованием представителей различных конфессий, в особенности католической церкви, несмотря на подписанный с папой конкордат. Пастор Нимёллер был брошен в концентрационный лагерь ради подавления сопротивления евангелической церкви.

Перерыв. Преступления нацистов против христианства стали центральной темой в беседах обвиняемых друг с другом во время обеденного перерыва.

– Преступления против христианства! – иронично заметил Розенберг. – А преступления против христианства, совершенные русскими, их разве не волнуют?

Я поинтересовался у Риббентропа, верно ли было процитировало его высказывание, в котором он признал свою осведомленность и невмешательство касательно преследования верующих христиан нацистами.

– Да, – ответил он, – все верно. Ватикан многократно выражал протест, но на последнем этапе они просто-напросто игнорировались Гитлером. Ничего нельзя было изменить.

– Но мы же имели на это полное право! – с набитым ртом возмущался Геринг. – Мы представляли собой суверенное государство, это целиком и полностью было нашим внутренним делом!

Как мне доложили, позже Геринг заявил Франку следующее:

– Не бойтесь, они лишь выполняли мои приказы. Я беру на себя всю ответственность за четырехлетний план. – Функ глуповато улыбнулся в знак признательности Герингу.

Послеобеденное заседание. Обвинитель Джексон продолжил описание совершенных по отношению к евреям преступлений:

«Большая часть этих дичайших преступлений, запланированных и совершенных нацистами... Гетто представляло собой полигон для опробования репрессивных мер.

Принадлежавшая евреям собственность конфисковалась в первую очередь, и эта традиция распространялась, приводя к подобным же мерам по отношению и к обвиненным в «антигосударственной деятельности» немцам, полякам, французам и бельгийцам. Геноцид евреев позволил нацистам использовать уже опробованные на практике методы на поляках; сербах и греках. Трагическая участь евреев представляла собой постоянную угрозу всему остальному оппозиционно настроенному населению Европы – пацифистам, консерваторам, коммунистам, католикам, протестантам, социалистам. По сути, она представляла угрозу любой оппозиции, всем без исключения, не-нацистам».

Результатом этой дискриминационной политики явились гетто и концентрационные лагеря, и последовавший геноцид 60 % всех проживавших на оккупированных нацистами территориях Европы евреев, или 5,7 миллиона евреев. «История до сих пор не знала преступлений, повлекших за собой большие жертвы и совершаемых с подобной жестокостью».

Джексон процитировал Штрейхера, заявлявшего, что, дескать, христианство – лишь препоны на пути радикального решения еврейской проблемы и всемерно поддерживавшего гитлеровскую программу уничтожения евреев. Ганс Франк также высказывал подобные утверждения и в своем дневнике, и в своих выступлениях.

Обвинитель Джексон подробно остановился на отдельных стадиях этой, имевшей результатом геноцид, программы:

Позорные «нюрнбергские законы 1935 года; тщательно запланированное «спонтанное восстание» 9–10 ноября 1938 года; спровоцированные в оккупированных районах Восточной Европы еврейские погромы и массовые убийства евреев 1941 года; садистская жестокость, пытки, геноцид и обречение на голодную смерть в концентрационных лагерях – не говоря уже о «научных экспериментах», при которых жертвы-мужчины сначала подвергались смертельно опасному переохлаждению, а затем их, отогревая, снова возвращали к жизни, о принудительных половых актах с отличавшимися «животным теплом» женщинами-цыганками. «Подобное озаменовало пик

морального падения нацистов. Мне трудно обременять протокол приведением примеров нездоровой жестокости, однако на нас возложена печальная обязанность вершить суд над теми, кто является преступниками... Да, наша доказательная база способна вызвать чувство отвращения, и, возможно, она лишит вас сна. В итоге нацистская Германия вызывает лишь гнев во всех цивилизованных странах».

В перерыве я услышал, как Ширах спросил у Геринга, кто же отдавал приказы об уничтожении Варшавского гетто и на проведение подобных мер.

– Я полагаю, Гиммлер, – с чувством недовольства ответил Геринг.

Покачав головой, Ширах пробормотал:

– Ужасающе!

И с мрачным видом откинулся на спинку скамьи.

– Действительно, эти вещи ужасают, – высказал свое мнение я, когда Геринг повернулся ко мне.

– Да, понимаю, – ответил он, беспокойным взглядом обведя зал заседаний. – И я понимаю, что за эти преступления весь немецкий народ обречен на проклятие. Но все эти жестокие преступления были настолько невероятны, причем даже то небольшое, что становилось нам известно, что ничего не стоило переубедить нас в том, что подобные утверждения – лишь пропагандистские уловки. У Гиммлера всегда имелся наготове достаточно большой выбор психопатов, готовых пойти на такое. А от нас их скрывали. Я бы никогда не подумал на него. Он никогда не производил на меня впечатления потенциального убийцы. Вот, вы психолог, вы, должно быть, понимаете лучше. У меня не получается найти объяснение.

Обвинитель Джексон продолжил перечисление обвинений при ведении войны: казни заложников и военнопленных; разграбление сокровищ культуры в оккупированных районах; угон на принудительные работы и обречение на голодную смерть; война против гражданского населения, опиравшаяся на идеологию «расы господ».

В завершение своего выступления, подводя итог о моральном и юридическом аспекте данного процесса, Джексон произнес следующее:

«Истинный обвинитель находится за стенами этого зала – это цивилизация. Она пока что далека от совершенств, ей еще предстоит борьба во многих странах. Она не утверждает, что Соединенные Штаты или какая-нибудь другая страна не несут ответственности за ту внутрисполитическую обстановку в стране, в результате которой немецкий народ пал жертвой заигрываний и угроз нацистских заговорщиков. Она указывает на ужасные последствия агрессий и преступлений, упомянутых здесь мною. Она указывает на нанесенные раны, на иссякшие силы, на все прекрасное или полезное в этом мире, подвергшееся опустошению и разрушению, на то, что и в грядущем деструктивные силы отнюдь не смогут быть устранены...

Обвиняемые могут убаюкивать себя надеждами, что, дескать, международное право настолько отстаёт от моральных критериев человечества, что считающееся в рамках морали преступным с точки зрения закона таковым не является. Мы изначально отвергаем подобные помыслы».

Тюрьма. Вечер

Камера Фриче. К концу послеобеденного заседания Фриче выглядел настолько бледным, что полковник Эндрюс осведомился о его самочувствии. Но Фриче заявил, что с ним все в порядке.

Когда я вечером появился в его камере, Фриче беспокойно ходил по ней взад и вперед, а причиной его бледности был, скорее всего, гнев.

– Я вне себя от бешенства! – выкрикнул он. – Это проклятое метание между Сциллой и Харибдой! С одной стороны, вопрос об агрессивной войне, а с другой – ужасающие, позорные поступки! Как можно обвинять нас в участии в каком-то там заговоре, имевшем целью самые низменные намерения и под девизом «Германия, проснись, долой евреев!» Поверьте мне, я не за свою жизнь борюсь; теперь я уже за нее и гроша ломаного не дам! Но этот циклопический судебный процесс, он же не служит только лишь пропагандистским целям! По всем пунктам предъявленного мне обвинения я заявляю «невиновен!» Однако готов признать, что совершил серьезнейшие ошибки, позволил этой гиммлеровской системе убийства обвести себя вокруг пальца, даже когда я пытался разобраться в ней... Плевать я хотел на свою жизнь! Но позор, этот жутчайший позор!

– То есть вы хотите сказать, что готовы умереть за промахи Германии, но не как преступник, сознательно совершавший массовые убийства?

– Именно! Именно это я и хочу сказать! И то же самое испытывает весь немецкий народ, для которого моя малозначимая особа – лишь один из символов. Разумеется, кто-то за все это должен ответить. Но дайте нам возможность объяснить миру положение, в котором мы оказались, с тем, чтобы мы хотя бы не ушли из жизни, не избавившись от этого позорного бремени!

Я заверил Фриче, что у него будет достаточно времени для разъяснения своей точки зрения. Он был явно удивлен и успокоен, когда я объявил ему, что, вероятнее всего, между обвинением и защитой будет достигнута некая договоренность и что каждому из них будет предоставлено законное право и возможность высказаться. Фриче склонялся к тому, что, скорее всего, вина целиком и полностью ляжет на них, но не на истинных вдохновителей, и в результате в один прекрасный день их всех без какой-либо возможности защитить себя просто поставят к стенке. Я заверил его, что союзники никогда не потерпят подобные методы, что никто из судей или обвинителей не возьмет на свою совесть перед лицом общественности и истории столь противоправные методы. Было видно, что Фриче испытал облегчение от этого заявления, поскольку уже смирился с мыслью взойти на эшафот еще до Рождества.

Камера Штрейхера. Я задал Штрейхеру доверительный вопрос о том, не испытывает он когда-либо угрызения совести за свою пропагандистскую травлю, которая проторила путь к описанным им на послеобеденном заседании преследованиям и геноциду.

– Я ничему не проторивал никакого пути! – принялся протестовать он. – Почему же не было никакого геноцида – если уж мы заговорили об этом – в период с 1919 по 1934 год? Да потому что все делалось и замышлялось Гиммлером! Я против убийств! Поэтому я не смог ни наложить руки на себя, ни убить свою жену и детей там, в Тироле, в конце войны. Я понял, что мне предстоит нести свой крест.

– Но отчего же вы вылили на евреев столько этой непотребной грязи?

– Я – грязи? – сверкнув глазами, удивился Штрейхер. – Все на самом деле черным по белому писано в Талмуде. Евреи – раса обрезанных. Разве Иосиф не совершил расовое преступление с дочерью фараона? А как же Лот и его дочери? Да в Талмуде такие вещи встречаешь на каждом шагу. Теперь они меня и распнут, – доверительно сообщил он мне. – Я уже заметил – трое из судей – евреи.

– Каким же образом вы это замечаете?

– Я умею определять кровь. Этой троице явно не по себе, когда я на них смотрю. Я это вижу. Я двадцать лет потратил на изучение расовой теории. Характер познается через комплекцию. В этой области я эксперт. Гиммлер вдолбил себе в голову, что он эксперт, но на самом деле он ничего в этом не понимал. В нем самом текла негритянская кровь.

– На самом деле?

– О да, – победно ухмыльнулся Штрейхер, – я заметил это уже по форме его головы и волосам. Я ведь распознаю кровь.

Хотя Штрейхер в общем и целом производил впечатление адекватного человека, меня впервые посетила мысль о том, что его слепой фанатизм граничит с паранойей.

23 ноября. Расовая политика

Утреннее заседание. Майор Уоллис описывал пропагандистские методы Гитлера, Геббельса, при помощи которых они после «завоевания масс» «психологически готовили народ для политических акций и военной агрессии». Гитлер контролировал все общественные институты, курировал все вопросы образования и воспитания, все средства коммуникации и культурные учреждения. Геббельс отвечал за всю официальную, а также партийную пропаганду. Розенберг специализировался на распространении расово-политической идеологии, а Ширах вбивал в головы членов гитлерюгенда основы национал-социализма.

Обеденный перерыв. Франк рассказал, что получил письмо от своей супруги, которая написала ему, что вынуждена была отправить детей попрошайничать. И вдруг обратился к Розенбергу:

– Скажите, Розенберг, неужели действительно так необходимо было все разрушать и всех ввергать в нищету? Неужели именно в этом и состоял смысл расовой политики?

Розенберг ничего не ответил, а Франк, Фриче и Ширах не скрывали своего отчаяния при виде распада германской нации, указав, что в нем повинна расовая политика. В конце концов, Розенберг все же дал ответ:

– Естественно, мы не могли предполагать, что все это приведет к таким ужасным последствиям, как геноцид и война. Я всего лишь пытался отыскать мирное решение расовой проблемы.

26 ноября. Планы захватнической войны

Утреннее заседание. М-р Олдермен зачитал один из роковых документов, «документ Хосбаха», содержащий секретную речь Гитлера, в которой он 5 ноября 1937 г. знакомил Геринга, Бломберга, Фрича, Редера и Нейрата со своими захватническими планами. Разъясняя принципы различных вариантов запланированного нападения, Гитлер также заявил следующее (записано со слов его адъютанта Хосбаха⁴):

«Германская политика всегда должна считаться с существованием двух исконных, непримиримых противников – Англии и Франции, которым германский колосс в центре Европы всегда был бельмом на глазу... Для упрочнения нашего военно-политического положения нашей первейшей целью всегда должна оставаться наша отвлеченность в войну с целью устранения Чехии и одновременно Австрии ради устранения угрозы с флангов в случае нашего предполагаемого наступления на западном направлении... С устранением Чехии и установлением общей границы с Венгрией мы можем рассчитывать на нейтралитет Польши во время германок-французского конфликта. Наши договоренности с Польшей окажутся действенными лишь тогда, если Германия окажется в состоянии продемонстрировать свою мощь... Фюрер высказал мнение, что с высокой долей вероятности можно предполагать, что Англия и Франция втайне уже списали Чехию со счетов... Вполне естественно, что во время проведения нашего наступления на Чехию и Австрию нам необходим заслон на западе... Если Германия использует эту войну для решения чешского и австрийского вопросов, то с большой

⁴ В ходе процесса данный документ упоминается как «документ Хосбаха». (Прим. авт.)

долей вероятности можно предположить, что Англия – находясь в состоянии войны с Италией – не решится на военный конфликт с Германией... Генерал-полковник Геринг в связи с изложенным фюрером счел целесообразным высказаться за прекращение нашего участия в испанской войне».

Обеденный перерыв. Многие выразили свое удивление после ознакомления с этим документом, бесспорным доказательством намерений Гитлера проводить политику с позиции силы. Йодль заявил, что ни о чем подобном в тот период не имел понятия. В этом документе его удивила явная переоценка значимости Италии. Зейсс-Инкварт также высказал мнение, что никогда не понимал оценки Гитлером роли и значения Италии. Он всегда называл Италию не иначе, как «мелкотой».

Зейсс-Инкварт по «документу Хосбаха» высказался следующим образом:

– Совершенно определенно, что я крепко бы подумал над тем, участвовать ли мне во всем этом, если бы мне в 1937 году вдруг стало известно о существовании подобных намерений!

Ширах оценил этот документ как «сконцентрированное политическое безумие».

Франк выразился так:

– Вот подождите, прочитает немецкий народ этот документ и поймет весь тот дилетантизм, которым фюрер припечатал к стенке весь немецкий народ!

Герингу вообще пришлось не по душе вся тематика обсуждения, вмешавшись, он решил прервать ее:

– Все это чушь! А как же быть с присоединением Техаса и Калифорнии к Америке? Это ведь тоже была самая настоящая захватническая война, имевшая целью расширение территорий!

Риббентроп с виноватым видом медленно покачал головой, когда я задал ему вопрос, было ли ему известно о подобных политических планах.

– Нет, он мне никогда об этом не говорил. Еще раз заявляю вам, герр доктор, если бы только союзники оставили нам в Версальском договоре хоть малейший шанс, то никто о Гитлере никогда бы не услышал.

Фриче признал, что этот документ выставляет процесс в новом свете.

– Теперь я понимаю, почему речь идет о заговоре; и я вынужден изменить свое отношение к обвинительному заключению.

Послеобеденное заседание. М-р Олдермен описал следующий документ, свидетельствующий о намерениях нацистов развязать агрессивную войну после захвата Чехии и Австрии. Речь шла о записях адъютанта Гитлера Шмундта, из которых следует, что Гитлер в присутствии Геринга, Кейтеля и Редера открыто высказывался за начало захватнической войны на еще одном секретном заседании 23 мая 1939 года.

После его слов о жизненном пространстве Гитлер был процитирован дословно: *«Национально-политическое единение Германии практически завершено за небольшим исключением (здесь м-р Олдермен заметил: «Предполагается, что речь идет о концентрационных лагерях»). Дальнейшие успехи без пролития крови с нашей стороны невозможны. То есть вопрос о том, пощадить ли Польшу, отпадает, остается лишь при первой подходящей возможности напасть на нее... Союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии побуждает меня выступить против Англии, нанеся ей несколько мощных ударов. Бельгия и Голландия, хоть и протестуют, но все же уступят давлению...»*

Завершив военные приготовления, 22 августа 1939 года Гитлер созвал командный состав армии на совещание в Бертехсгаден, на котором объявил о том, что война должна начаться еще при его жизни и что он уже сейчас готов начать наступление, чему имеется еще одно документальное свидетельство.

«Я дам пропагандистский повод к войне, и неважно, правдоподобно он прозвучит или нет. Победителя потом никто не спросит, лгал ли он, или говорил правду. В начале войны и в ее ходе речь не идет о праве, а о победе».

Ближе к вечеру Франк передал мне записку, в которой описывал «апокалиптическое видение», посетившее его на скамье подсудимых во время зачитания последних документов. Видение это представляло «Гитлера в день 22 августа 1939 г.». «Мы сидим перед судом, – описывал Франк, – а перед нами безмолвно движется бесконечная колоша погибших. Беспорывно движется. Этот «белый и бескровный» поток горя в тускловатом серо-желтом свете молчаливо устремляется в вечность. Все они, окутанные белесым маревом, гонимые пламенем мук человеческих, движутся вперед – прошли – скрылись, прошли – скрылись – и конца этому шествию не видно... Люди, у которых эта война отняла жизнь, – самый страшный и жестокий трофей смерти, мучимой неутолимой жадой разрушения всего и вся и не пощадившей никого – ни стариков, ни детей, ни процветавших и горделивых, ни покорных и кротких... Вон они, идут – поляки, евреи, немцы, русские, американцы, итальянцы – все нации и народы, изошедшие кровью, исчезают в небытии. И звучит вопль: *Эта война должна произойти, потому что произойдет лишь, пока я жив!* Что же вам выпало вынести, пока она не достигла конца своего, Боже всемогущий!»

29 ноября. Фильм о концентрационных лагерях

Послеобеденное заседание. Геринг, Риббентроп и Гесс смеялись, когда зачитывалась запись телефонного разговора Геринга с Риббентропом в день триумфального въезда в Вену, в котором Геринг все происходившее описал, как «дурачество», щебетанье птиц и т. п. И внезапно смешливости этой пришел конец, когда командующий Доновэн объявил о демонстрации обнаруженного американскими войсками документального фильма о нацистских концентрационных лагерях.

Мы с Келли стояли у скамьи подсудимых и наблюдали за обвиняемыми во время демонстрации документальной ленты. Далее следуют мои сделанные впопыхах с интервалом в 1–2 минуты записи.

Шахт протестует против принудительного просмотра, когда я прошу его подвинуться; отворачивается, скрестив руки на груди, смотрит вверх на балкон... (начинается фильм). Франк во время первых кадров согласно кивает... Фриче (который до сих пор не видел ни одного кадра из этого фильма) уже бледен и сидит, застыв от ужаса, когда на экране появляются кадры, где заключенных сжигают заживо в каком-то сарае... Кейтель оттирает вспотевший лоб, снимает наушники... Гесс сидит, уставившись на экран своими глубоко посаженными глазами, будто Гул...⁵ Кейтель снимает наушники и искоса поглядывает на экран... Нейрат опустил голову, на экран не смотрит... Функ, закрыв глаза, казалось, отдался во власть своих мук, время от времени потряхивает головой... Риббентроп зажмуривается, смотрит в сторону... Заукель лихорадочно оттирает со лба пот... Франк, судорожно сглотнув, пытается сдержать подступившие слезы... Фриче, вцепившись руками в край стула, напряженно глядит на экран, лоб прорезали морщины, он явно переживает... Геринг оперся на ограждение скамьи подсудимых, он с сонным видом лишь изредка поглядывает на экран... Функ что-то бормочет про себя... Штрейхер продолжает смотреть, он сидит неподвижно, как изваяние, лишь время от времени мигая... По лицу Функа текут слезы, высморкавшись, он трет глаза, смотрит в пол... Фрик трясет головой, когда на экране появляются кадры «насильственной смерти». Франк бормочет «Ужасно!»... Розенберг беспокойно ерзает на своем месте, иногда бросает на экран быстрый взгляд исподлобья, опускает голову, снова поднимает взор, чтобы прове-

⁵ Демон – в восточной мифологии. (Прим. авт.)

ритель реакцию остальных... Зейсс-Инкварт принимает все стоически... Шпеер сидит с убитым видом, с трудом сглатывая... Защитники негромко произносят по ходу фильма: «Боже Великий – ужасно!» Редер, оцепенев, смотрит на экран... Папен обхватил голову руками, сидит, глядя в пол, до сих пор он пока что не позволил себе взглянуть на экран... Гесс растерянно глядит перед собой... на экране горы трупов в трудовых лагерях... Ширах внимательно вглядывается в происходящее на экране, тяжело дыша, он перешептывается с Заукелем... Функ рыдает... Геринг с мрачным видом сидит, опершись на локоть... Дёниц сидит, опустив голову, уже не глядя на экран... Заукель поеживается при виде печи крематория в Бухенвальде... когда показывают абажур из человеческой кожи. Штрейхер произносит: «Не верю я в это!»... Геринг откашливается... Адвокаты издают стоны... Теперь Дахау... Шахт продолжает игнорировать экран... Франк горестно кивает: «Ужасно!» Розенберг, продолжая нервно ерзать, наклоняется вперед, оглядывает зал, после чего опускает голову... Фриче, побледнев, кусает губы, чувствуется, что он не на шутку переживает... Дёниц сидит, обхватив голову руками... Опустил голову и Кейтель... Риббентроп поднимает глаза, когда раздается голос английского офицера: 17 000 трупов уже похоронено... Франк грызет ногти... Фрик недоверчиво качает головой, когда женщина-врач начинает описывать эксперименты над женщинами-заключенными в лагере Берген-Бельзен... Когда на экране появляется Крамер, Функ сдавленно произносит: «Мерзкая свинья!»... Риббентроп, поджав губы, с горящими от волнения глазами смотрит в сторону... Функ горько рыдает, при виде обнаженных женских трупов, сбрасываемых в яму, невольно прижимает руки ко рту... Кейтель и Риббентроп поднимают взор на экран при упоминании бульдозера, сгребавшего трупы, просмотрев эти кадры, они опускают головы... Штрейхер впервые обнаруживает признаки беспокойства... Конец фильма.

После демонстрации этой ленты Гесс заявил: «Я в это не верю!» Геринг шепотом призвал его к тишине, от его былой развязности следа не осталось. Штрейхер мямлит что-то вроде: «Возможно, только в последние дни», но Фриче озлобленно обрывает его: «Миллионы? В последние дни? – Нет!» Вообще в зале повисла напряженная тишина, когда группу обвиняемых выводили из зала.

Тюрьма. Вечер

Мы сразу же направились по переходу в здание, где располагались камеры подсудимых, чтобы побеседовать с каждым из них наедине. Первым на очереди был Фриче. Едва мы закрыли за собой дверь и начали говорить, как он разразился плачем.

– Никакая сила земная или небесная не в силах смыть этот позор с моей страны! Ни за одно поколение, ни за сотни лет!

Сотрясаясь от рыданий, Фриче судорожно прижимал кулаки ко лбу; задыхаясь, он выдал:

– Простите меня, что утратил над собой контроль – но я просидел здесь целый час, пытаюсь подавить переполнявшее меня!

Мы спросили его, не нужны ли ему снотворные таблетки на ночь, он ответил:

– Нет, какой смысл? Изгнать все это из сознания было бы проявлением малодушия!

Ширах произвел впечатление человека, сумевшего взять себя в руки, но произнес такую фразу:

– Я не понимаю, как немцы оказались способны на такое!

Фрик предпринял жалкие попытки дать внятное объяснение:

– Мне кажется, все дело в том, что связь оказалась в последние месяцы нарушенной – все эти бомбардировки, этот всеобщий хаос – не знаю, в чем дело.

Потом и вовсе поставил точку на обсуждаемом, осведомившись насчет прогулки.

Функ пребывал в подавленном состоянии, разразился слезами, когда мы спросили его, как подействовал на него этот фильм.

– Ужасающе! Ужасающе! – сдавленным голосом повторил он. На вопрос, нужно ли ему снотворное, он в паузе между всхлипываниями ответил:

– Что это даст? Что это даст?

Штрейхер лишенным каких-либо эмоций голосом сообщил, что фильм был «ужасен», после чего попросил, чтобы конвоиры в коридоре вели себя ночью потише, а то ему будет трудно заснуть.

Шпеер внешне не показал признаков будораживших его эмоций, но фильм, как он заявил, лишь укрепил в нем веру в коллективную ответственность партийных вождей и в невиновность немецкого народа.

Франк находился в крайне подавленном состоянии, но когда мы упомянули о фильме, он от душившего его стыда и гнева тут же залился слезами.

– Стоит только подумать, что мы жили, как короли, и верили в это чудовище! И не верьте никому из них, когда они станут вам рассказывать, что, дескать, ничего не знали и не ведали! Все знали, что с этой системой все очень и очень не в порядке, хоть, может быть, деталей и не знали. Не хотели они их знать! Было слишком уж соблазнительно сосать от этой системы, содержать свои семьи в роскоши, веря в то, что все в порядке! Вы еще относитесь к нам по-божески, – добавил он, кивнув на стоявшую на столе еду, к которой он так и не притронулся. – Ваши пленные, да и наши соотечественники гибли от голода в наших лагерях. Да будет Бог милостив к душам нашим! Да, герр доктор, то, что я вам сказал, это так и есть. Этот суд был угоден Богу. При встрече с остальными я пытался понять их – но теперь все это позади. Я знаю, что делать и как поступить...

Произнося последнюю фразу, Франк посерьезнел. Мы спросили его, не надо ли ему снотворного. В ответ он лишь покачал головой.

– Нет, благодарю. Если не засну, я смогу молиться... (в искренности Франка сомневаться не приходилось).

Зейсс-Инкварт признался:

– До самых костей пробирает. Но я вынесу.

Дёниц продолжал трястись от охватившего его волнения и, местами переходя на английский, сказал:

– Как можете вы обвинять меня в том, что я знал о чем-либо подобном? Вы спрашиваете, почему я не отправился к Гиммлеру и не проверил сам эти концлагеря? Да это же абсурд какой-то! Он бы просто выставил меня, как я выставил его, когда он явился ко мне, чтобы проверить военно-морские силы! Боже правый, какое я могу иметь ко всему этому отношение? Я волею случая оказался на таком ответственном посту и никогда не имел дел с партией.⁶

Мы поинтересовались у Папена, почему он отвернулся от экрана во время демонстрации фильма.

– Не хотелось видеть позор Германии, – признался он.

Заукель находился на грани нервного срыва. С дергающимся лицом, трясясь, он, растопырив пальцы, непонимающе уставился на нас:

– Да я бы задушил себя вот этими руками, если бы хоть в малейшей степени был причастен даже к одной из таких смертей! Это позор! Позорное пятно для нас и наших детей и внуков!

Шахт пылал от возмущения.

– Как вы могли пойти на такое, заставив меня сидеть на одной скамье с этими преступниками и смотреть фильм о мерзостях концентрационных лагерей?! Вам же известно, что я был противником Гитлера и сам кончил концентрационным лагерем! Это непростительно!

⁶ Дёниц не подпадал под пункт 4 обвинения.

Нейрат выглядел довольно растерянным и говорил неохотно. Он лишь указал на то, что не обладал достаточным политическим влиянием на момент происходившего.

Редер заявил, что даже слухом не слыхал ни о каких концентрационных лагерях. Лишь о трех ему стало известно, когда он столкнулся с необходимостью выволить из них некоторых из своих друзей.

Йодль сохранял спокойствие, но чувствовалось, что он до глубины души возмущен.

– Я был потрясен! Поверьте – самое постыдное в этом, что очень многие из нашей молодежи шли в партию из идеализма.

Кейтель, только что вернувшийся в камеру после встречи со своим адвокатом, принимал пищу. Создавалось впечатление, что если бы мы ему не напомнили, он успел бы позабыть о фильме. Кейтель прекратил есть и с набитым ртом ответил мне:

– Это ужасно! Когда я вижу подобные вещи, я стыжусь того, что я немец! Это все эти поганые свиньи из С С! Если бы я знал об этом, я бы сказал моему сыну: «Я лучше застрелю тебя, чем позволю пойти в СС». Но я не знал. Теперь я никогда не смогу посмотреть людям в глаза!

Гесс обнаружил обычную эмоциональную сумятицу и без конца повторял одно и то же:

– Не понимаю я этого – не понимаю!

Риббентроп был крайне удручен увиденным, его руки тряслись:

– Гитлер никогда бы не выдержал подобного фильма, если бы ему показали. Не верится, что и Гиммлер способен был отдавать приказы на подобные вещи. Я этого не могу понять.

Розенберг выглядел более взвинченным, чем обычно.

– Это все равно ужасно, даже если и русские творили нечто подобное. Ужасно – ужасно – ужасно!

Я напомнил ему об его личной ответственности за развитие нацистской расовой политики.

– О, такое на основе расовой политики не объяснишь, – пытался обороняться он, – ведь и много немцев было умерщвлено. Это обесценивает всю нашу защиту.

Геринг чувствовал себя до глубины души задетым этим фильмом – лента явно подпортила его «шоу».

– Такой был приятный день после обеда, все было хорошо, пока не показали этот фильм. Зачитали запись моего телефонного разговора об Австрии, все смеялись от души, в том числе и я сам. А тут это ужасающее кино, оно все испортило.

30 ноября. Выступление Лахузена.

Гесс внезапно обретает память

Утреннее заседание.

Сегодня генерал Лахузен, самый высокопоставленный из оставшихся в живых офицеров абвера⁷, давал свидетельские показания, которые заставили корчиться Риббентропа, Йодля и многих других. (Присутствие Лахузена на процессе и его высказывания вызвали шок у всех обвиняемых, для которых оказалось полной неожиданностью наличие оппозиции фюреру в среде армейской разведки и то, как их собственные генералы клеймят позором захватнические войны Гитлера.)

На допросе, проводимом полковником Эйменом, генерал Лахузен рассказал о своем участии в подпольной организации, возникшей в германском абвере с ведома и под руководством его шефа, адмирала Канариса. Целью этой организации было всяческое торможение осуществления планов захватнических войн Гитлера и, в случае неудачи, воспрепятствование благоприятному их исходу, а также физическое устранение Гитлера. Далее генерал Лахузен описал

⁷ Абвер – военная разведка (контрразведка).

участие Геринга, Кейтеля и Йодля в бомбардировке Варшавы, уничтожении польской интеллигенции, дворянства, лиц духовного сана и польских евреев. О том, что для создания повода для запланированного нападения на Польшу Гиммлер получил в свое распоряжение польскую военную форму, в которую были одеты заключенные из германских концентрационных лагерей. О том, как эти одетые в польскую форму узники были расстреляны, и трупы их были выданы за таковые участников «нападения» поляков на немецкую радиостанцию в городе Глейвиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.